

Джессика Клусс

ДОМ ДРАКОНОВ

18+

ПОБЕДИ ИЛИ УМРИ

Young Adult. Империя тьмы. Игры драконов

Джессика Клусс

Дом драконов

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Ñîå)-44

Клусс Д.

Дом драконов / Д. Клусс — «Эксмо», 2020 — (Young Adult.
Империя тьмы. Игры драконов)

ISBN 978-5-04-112637-7

Пять королевств соберутся на зов, Чтобы сразиться за драконий престол. Лгунья, воин, служанка, убийца и вор Вступают в игру, либо смерть и позор. После кончины императора пять великих королевств, пять правящих домов замерли в ожидании Испытания. И лишь один участник от каждой страны вместе с личным драконом будет избран, чтобы попытать удачу в состязании и стать будущим правителем. Кто из них окажется лучшим и выиграет эту битву? САМОЗВАНКА Эмилия – обманщица, скрывающая свой талант к магии хаоса. ВОИН Люциан – солдат, который поклялся никогда не поднимать меч на живую душу. СЛУЖАНКА Веспир – мастер дрессировки драконов, чьи навыки позволяют ей взять верх над противником. ВОР Аякс – бастард, мечтающий попасть на войну, чтобы доказать всем, чего он стоит. УБИЙЦА Гиперия – девушка, рожденная побеждать. Ее путь к власти залит кровью. ТАК ПУСТЬ НАЧНЕТСЯ ИГРА! Однако существуют ли победители и проигравшие там, где миром правит ложь, а хаос вот-вот вырвется на свободу?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Ñîå)-44

ISBN 978-5-04-112637-7

© Клусс Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

1	7
2	13
3	17
4	22
5	25
6	29
7	32
8	35
9	40
10	42
11	48
12	50
13	53
14	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Джессика Клусс Дом драконов

Посвящается Мередит, первому и лучшему слушателю моих историй

*Боги мечтают об империях, а дьяволы их строят.
Поэт Валерий до своего изгнания в 735 году нашей эры. (После Рождества Драконьего)*

Jessica Cluess
HOUSE OF DRAGONS

Copyright © 2020 by Jessica Cluess
© Мельничук Е., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

Эмилия

Однажды, после того как император умер и был съеден, созыв собрался с целью выбрать его преемника.

Эмилия Орон размышляла об этом, сидя на спине дракона, паря в трехстах метрах над скалистым берегом. Пенящиеся волны бились о скалы так яростно, что она могла поклясться, что ощущала брызги на своих щеках даже на такой высоте. Соленый ветер с треском расправлял крылья дракона и кидал ей в лицо ее рыжие волосы. Может, ей и впрямь следовало послушаться совета матери и заплести волосы в косы. Ворчание Чары отдавалось в конечностях Эмилии. Укоротив поводья, она погладила дракона по шее.

– Все в порядке. Они не выберут меня, – сказала она, как будто это была беседа, а не ее собственные назойливые мысли. *Они не выберут меня. Они должны быть идиотами, чтобы выбрать меня.*

Разумеется, Эмилия втайне считала, что Этрусской империей правят одни только идиоты уже на протяжении сотни лет.

Если бы мать узнала об этих мыслях, волосы Эмилии стали бы наименьшей из ее проблем.

В конце концов, никто из семьи Орон вот уже более трех поколений не становился императором или императрицей, а их семья владела самыми плохими землями: Гибрианскими островами и двумя полукруглыми островами, окруженными небольшими островками поменьше. Расположенная в северо-западной части империи, их страна была холодной страной моря и ветра, предзимья и зимы. Семья Орон нуждалась в императоре у власти, чтобы приумножить свое богатство.

Им нужен был Александр.

А вот и он: точка, машущая ей с края утеса. Эмилия прижала колени к бокам Чары, ослабляя поводья. Дракон фыркнул тлеющими углями, сложил крылья и резко спикировал вниз. Эмилия жила ради таких моментов, этого трепета бабочек в животе. Все проблемы, тревожащие ее разум и тело, сразу же испарились.

Она откинулась назад в седле, заметив приближающийся утес, затем наклонилась вперед, когда Чара расправила крылья и впилась своими когтистыми лапами во влажную землю.

Запах свежей земли окутал Эмилию. Брат подбежал к ней, пока она рылась в седельном выюке, достала сумку и, перекинув ее через плечо, соскользнула на землю. Она подошла к Чаре и погладила ее по самому любимому месту между челюстью и шеей. Чара уткнулась носом в живот Эмилии.

– Спасибо, девочка, – прошептала она и отступила в сторону, позволяя Чаре взлететь в небо. До созыва оставалось еще достаточно времени для игр.

Александр подошел и обнял Эмилию. Слава небесам, от него исходило приятное тепло.

– Ты буквально г-горишь. Как тебе это удастся? – ее зубы стучали, пока она говорила. Эмилия зажала свои уши руками: два ледяных изгиба прижались к ее ладоням.

– Во мне течет кровь дракона. Очевидно. – Он шутливо толкнул ее своим бедром. – Жаль в тебе ее нет. Ты замерзнешь даже летним днем в Картаго.

– С-смейся, пока можешь. – Эмилия плотнее прижала к себе фиолетовый плащ. – Подожди, пока меня не и-изберут.

– Не волнуйся. Я просто сброшу тебя со скалы, если это случится. – Алекс поцеловал ее в макушку. – Они не выберут тебя, – добавил он уже более серьезным тоном.

Это немного утешало. В то время как формально любой ребенок из пяти семей мог быть вызван на Императорское Испытание, по факту вызывались только старшие. Это была негласная традиция. Им всем повезло, что первенцем был Александр, а не она.

Его волосы были глубоко-золотистого цвета, не то что ее рыжие пряди. Его кожа была светлой, словно молоко, в отличие от ее мертвенной бледности. Его легко было рассмешить, а она чаще оставалась серьезной. За его поведением не нужно было внимательно следить, пока их посещали гибрианские аристократы во время зимних праздников или летних посиделок у костра, чего нельзя было сказать об Эмилии.

В отличие от нее, он не лелеял смерть в своих руках, словно дремлющую змею.

Они пошли по тропинке прямо к кругу на другой стороне мыса, где проходил созыв; тяжелая сумка Эмилии успокаивающе стучала по ее бедру. Она вздрогнула, когда ледяной ветер снова пронзил тело насквозь. Ей никогда не нравился Штормвэйс, самый старый, самый продуваемый сквозняками и самый северный семейный замок. Формально это была их территориальная столица, хоть ее и нельзя было назвать великой. Жаль, что она не покидала город почти пять лет, но тут уж ничего не поделаешь. Крайний Север был самым малонаселенным районом. Здесь она могла быть незаметной.

Знамена дома Орон, абсолютно белые, украшенные фиолетовым асписом – водяным змеем, их личным драконом, – колыхались от порывистого ветра. Наверху Чара и дракон Александра, Таркус, дурачились друг с другом. У обоих драконов были длинные, стройные тела с хлещущими хвостами, однако чешуя Чары переливалась кремово-перламутровым цветом, а Таркуса – сливовым. У асписов были плоские головы, шелковистая чешуя, собачьи носы. По бокам из их черепов вились рога. В отличие от других драконьих пород, аспис мог проводить время под водой, при этом не страдая от каких-либо негативных последствий. Весной Чара охотилась на китов и возвращалась домой с их салом в зубах, походя при этом на окровавленное облако.

– Ты решила полетать, чтобы в последний раз взглянуть на это место, прежде чем стать императрицей? – поддразнил ее Алекс. Эмилия толкнула его локтем в бок.

– Когда я буду жить в золотом дворце в Драгонспае, буду с неподдельной нежностью вспоминать, как отмораживала здесь свою пятую точку, – невозмутимо ответила она. Подавив дрожь, она добавила: – Мне, м-м, нужно было очистить свой разум.

Александр понимал ее. Обычно Эмилию можно было застать с остывающей чашкой кофе и перепачканными в чернилах пальцами перед библиотечным камином. Книги и бумаги веером рассыпались вокруг, словно лабиринт, разобраться в котором могла только она одна. Но затем у девушки вскипали мозги, и ей приходилось все бросать, пока никто не пострадал.

Эмилия остановилась на тропинке. Перед ними лежало доказательство того, что она совершила.

Это была чайка. Бело-серые перья развевались на ветру среди брызг крови и размазанных по земле внутренностей. Тогда, в своей комнате, Эмилия почувствовала, как магия переполняет ее до краев. Она поспешила вниз по винтовой лестнице замка, выбегая в холод пасмурного дня. Девушка направилась к скалам, напуганная криком кружащей в небе чайки. Ее взгляд пронзил птицу... и бедное создание издало свой последний клич. В мире существовало два вида магии: искусство порядка и энергия хаоса. Благодаря порядку была создана эта великая империя, а хаос чуть не уничтожил весь мир. Порядок – это созидание, хаос – разрушение. У Эмилии не было таланта к упорядоченной магии.

Она была прирожденным хаосом.

Если остальные четыре семьи узнают об этом, смерть станет для нее спасением. К магии хаоса нельзя относиться снисходительно, особенно после Войны шести домов, которая произошла около тысячи лет назад.

Алекс крепко обнял ее.

– Это был несчастный случай, – прошептал он.

Эмилия знала, что слуги в замке распускают сплетни. Что они следят за ней. Вот почему она всегда держала свои волосы распущенными и никогда не заплетала их в косы: они были словно тяжелой завесой, за которой легче спрятаться. Ее руки сжались в кулаки до боли.

– Я знаю, – прошептала она в ответ. Они продолжали идти, сумка стучала у нее под боком. – Здесь. – Эмилия снова остановилась, сняла котомку и перекинула ее через руку брата. – Потребовалось немало усилий, но я их закончила.

Алекс расстегнул молнию и вытащил несколько тонких томов в матерчатой обложке. Эмилия сразу же переставила их по порядку, немного волнуясь из-за того, что ее кропотливый труд подвергся изучению.

Охота. Игра. Гонка. Правда.

Четыре задачи, составлявшие каждое Императорское Испытание.

Каждое название было выведено тисненными буквами на обложке. Эмилия также захватила с собой пару пергаментных справочников с надписями «Бестиарий» и «Топография».

– Мне пришлось нарисовать карты островов вручную, – сказала Эмилия, довольствуясь выпавшим шансом похвастаться. Гордость была такой редкой гостьей в ее жизни. Алекс кивнул, быстро пролистывая одну книгу за другой.

– Ты правда думаешь, что Кротское море будет первой остановкой? – он посмотрел на нее, приподняв одну бровь. – Держу пари, это должен быть Имперский полуостров.

– Мы учли максимальную скорость полета дракона и сравнили дату созыва с началом первых испытаний. На то, чтобы всем собраться, требуется по меньшей мере двадцать четыре часа, даже для Вольска и Сабель, а они ближе всех к полуострову. Это говорит о том, что полет займет больше времени. Или ты сомневаешься в моих расчетах?

– Дразню. Я просто дразню тебя. – Алекс еще раз просмотрел книги, отложил их в сторону и снова обнял ее. – Не могу поверить, что этот день настал, – сказал он мягко.

Эмилия закрыла глаза и прислушалась к глухому биению сердца Алекса.

– По крайней мере, мы хорошо подготовились, – прошептала она.

– Никто бы не подготовил меня так, как ты, Эми. – Он снова поцеловал ее в макушку. – Помнишь, что я тебе пообещал?

Эмилия вспомнила оглушительные крики, отдающиеся эхом. Неприятный запах горячей плоти. Повсюду кровь. Она вспомнила, как забилась в угол своей спальни, рыдая и царапая ногтями щеки. Брат обнимал ее и клялся, что все сделает правильно.

– Разумеется, – вновь прошептала она.

– Я сдержу свое обещание. – Он отошел в сторону, высоко подняв сумку. – С этим. Победа наша.

Эмилия улыбнулась, уголки ее губ дрогнули. С тех пор как они узнали, что Алексу суждено отправиться на Императорское Испытание и не вернуться, брат и сестра изучили все имеющиеся обрывки информации о каждом Испытании, которое когда-либо проводилось. Эмилия взяла на себя серьезную миссию подготовить брата ко всем возможным неожиданностям. Будь она обычной девушкой, ей, возможно, разрешили бы представить свои находки в Императорском Университете. Она могла бы даже опубликовать их.

Будь Эмилия обычной девушкой, она могла бы сделать очень-очень многое.

* * *

Кругу созыва было больше тысячи лет. Кольцо скользких из-за мха камней диаметром в сотню метров окружало большую гранитную плиту в самом центре, где должен был находиться «избранный» дракон. Несколько слуг и ливрейная стража ожидали рядом с семьей, знаменосцы держали флаг дома Орон высоко над головой. Когда Эмилия и Алекс присоединились к родителям, солнце пронзило облако и осветило траву, искрясь призмами радужного света в росе. Семья, казалось, сияла в своем величественном фиолетовом бархате, цвете дома Орон. «Мы словно кучка редких драгоценностей, – подумала Эмилия, горько улыбаясь, – красивая и без всякой цели».

– Эмилия, о чем ты думаешь? – голос матери звучал с укором. Они с отцом Эмилии часто смотрели на нее так, будто ожидали, что она вот-вот взорвется.

– Опасные мысли, – пробормотала Эмилия, глядя в землю.

Леди Орон недовольно хмыкнула. Грудь Эмилии сжалась при мысли о том, как Таркус усаживается на гранитную плиту, взмахивая хвостом и призывая Александра улететь.

Родители Эмилии были снисходительны к ней. Они терпели ее понурый взгляд и растрепанные волосы. Они терпели вечные темные круги под глазами, головные боли, потребность уничтожить все неявное, что могло встать у нее на пути. Сбитую речь, произносимую голосом, осипшим от долгого молчания. Родители терпели ее беспокойную душу, но зато Алекс ее действительно любил.

Теперь же, даже если он выиграет Испытание и станет Александром Сарконусом, драконом-императором Этруссии, он никогда больше не будет ее братом. Они будут видеться два раза в год на празднике по случаю середины зимы и во время ежегодного собрания пяти семей. Больше никаких шуток, понятных только им двоим. Больше никаких совместных полетов. Никаких дружеских отношений.

Одиночество казалось накрахмаленным одеянием, в котором Эмилия никогда не чувствовала себя комфортно.

Слезы застилали глаза. Алекс сжал ее руку.

– Я не забуду тебя, – сказал он.

Она положила голову ему на плечо в момент, когда четыре семейных дракона спустились с неба и приземлились прямо позади своих всадников, расправив крылья в ожидании созыва. Никто здесь прежде никогда не был свидетелем этого действия. Император Эразмус умер вчера в возрасте шестидесяти шести лет, а занял трон в двадцать. Эмилия почти пожалела, что не может выступить в качестве свидетеля. Это была бы отличная возможность для более глубокого расследования. К сожалению, знати было запрещено открыто говорить о том, через что им пришлось пройти на Испытании. Чтобы собрать всю информацию, Эмилии и Алексу потребовались бесчисленные часы работы – изучение ссылок на различные книги, писем, даже налоговых отчетов.

Что касается других участников, то можно было не переживать, что они поделятся своими секретами. Проигравших ждет Отбор – Эмилия содрогнулась при мысли о такой судьбе. «Пожалуйста, пусть это не произойдет с Алексом».

Когда полуденное солнце пригрело землю и семья стала ждать созыва, Эмилия окунулась в свои мысли, словно в ядовитый рай. Они были источником всей ее боли и радости. За последние пять лет она не общалась ни с кем из сверстников, за исключением Алекса. Как только он покинет семью, она скорее всего останется одна навсегда. Эмилия была младшей дочерью, ей следовало выйти замуж, чтобы продолжить род дома Орон. Но как она могла приблизиться к мужчине, не боясь сломать ему кости или разорвать почки? Поэтому девушке приходилось

жить в своих мечтах, в мире воображаемых друзей. Иногда воображение было для Эмилии лекарством, а иногда жгло, словно кислота, напоминая о том, чего у нее никогда не будет.

Сквозь туман своих мыслей девушка услышала, как кто-то выкрикнул ее имя.

– Эмилия! – Алекс схватил ее за плечи и развернул лицом вперед. – Смотри.

Чара ждала на гранитной плите, не сводя рубиновых глаз с хозяйки. Все это было настолько странно, словно смотреть на восход солнца вечером, и Эмилия не сразу поняла, что случилось... пока осознание не настигло ее.

Чара была призвана. Не Таркус.

Выбор пал не на Александра. Что означало...

– Чара, спускайся оттуда немедленно! – Эмилия бросилась к дракону, паника овладевала ее телом. Этого не может быть. Ее не могли призвать. Она была вторым ребенком. Ее душа была во власти хаоса! Она проиграет. Ее отправят на Отбор.

– Что же мне делать? – Она прокричала, обращаясь к своей семье. Дернув Чару за уздечку, Эмилия посмотрела дракону в мерцающие красные глаза. – Зачем ты так поступаешь со мной?

Ее дракон, единственное существо в этом мире, которое она любила так же сильно, как и брата, прижался лицом к телу Эмилии, к ее колотящемуся сердцу. Чара глубоко вздохнула, ее крылья расправились. Связь, которая существовала только между драконом и его наездником, пронзила все нутро Эмилии. Она знала, что это было настолько же естественно, как если бы дракон разговаривал человеческим языком. Какая-то невидимая сила призвала Чару, и ответ не мог быть отрицательным.

– Я должна идти. – Эмилия едва могла слышать свой собственный голос сквозь кровь, стучавшую у нее в ушах. Каждый волосок у нее на теле встал дыбом. Она чувствовала, как тепло наполняет ее, словно жидкость. Сила. Магия. Все ее страхи. Хаос внутри нее рвался вперед, крича, чтобы его освободили.

Рука отца грубо схватила и оттянула ее назад, за капюшон плаща.

– Нет! – кричал он ее матери. – Они узнают, что мы *солгали!*

Эмилия упала на землю, магия внутри нее вырвалась наружу. Гнев сжал ее голову, челюсть сомкнулась, и в промежутках между бешеными ударами сердца она взглянула на один из камней напротив нее – и сразу же почувствовала нить связи между собой и камнем.

Все внутри нее вспыхнуло, и магия хлынула наружу.

Камень взорвался градом острых осколков. *Гром* резонировал в воздухе, эхом отражаясь от скал и уходя в море. Ее мать вскрикнула и отскочила. *О нет. Кровь.*

– Я в порядке, – сказала мать, но цвет ее лица стал мертвенно-бледным. Ее щека была рассечена. Разрушение было даром Эмилии, и она не могла его скрыть.

Теперь ей придется соревноваться с другими. Будучи под тщательным наблюдением, как она могла сдерживать свою магию, не говоря уже о борьбе за империю?

У нее не было выбора. И если она не пойдет прямо сейчас, тогда случится ужасное...

Алекс был рядом с ней. Он помог ей встать и подвел к Чаре, натянуто улыбаясь, когда усаживал ее в седло дракона; только дрожь его рук выдавала его страх.

– Да здравствует императрица Эмилия Саркона! – сказал он, подмигивая. Он сунул портфель с ее трудами обратно в седельную сумку.

Эмилия устроилась в седле, оббив подола юбки вокруг талии – вот почему наездники всегда надевают брюки. Ее ноги скользнули в стремя, и, рискуя упасть, она наклонилась, чтобы в последний раз уткнуться лицом в плечо Алекса. Он погладил ее по волосам и отошел. Взмахнув крыльями, Чара поднялась – круг, и ее родители, и ее брат начали уменьшаться в размерах, пока не стали размером с маленьких кукол.

Эмилия замерла, когда дракон повернул на юг и полетел прочь от Гибрианских островов, прочь от их скалистых берегов, зеленых полей и бессолнечного неба. В плечах ломило от напряжения. Ее голова была опущена, растрепанные ветром волосы попадали в рот.

Куда она направляется? Теперь об этом знала только Чара, отвечая на зов, неуловимый для человеческого слуха.

Сколько лет она мечтала вырваться из этого места? Какой же глупой она была. Есть вещи и похуже заточения.

Она видела их своими глазами.

«Что же мне теперь делать?» – подумала Эмилия. Она прижалась коленом к Чаре и почувствовала, как что-то торчит из седельной сумки. Книги. Все годы исследования и подготовки теперь у нее в руках.

Мысли Эмилии резко изменили свое направление.

Если бы они узнали, кто она такая, то ее бы изувечили. Подвергли пыткам. Убили.

Но если бы она смогла как-то утаить это...

Что же делать? Внезапно ее озарило:

«Что, если попытаться победить?»

2

Люциан

Как только Люциан приставил кинжал к своей косе, он перестал принадлежать к семье Сабель. Гордость захлестнула его, когда он отрезал свои волосы. Поджигая черную копну в серебряной чаше, он впервые за четыре года почувствовал себя свободным. Со времен первого похода.

– Ты бы все поняла, – обратился он к мертвой женщине. Ее портрет висел в центре алтаря, согретый светом свечей и обрамленный лентами благовоний. В Картаго почитали мертвых как невидимых защитников в потустороннем мире, их портреты вырезались из черного дерева и окружались облаками жасмина и белых роз. Перед тем как отправиться в долгий путь, люди всегда молились защитнику семьи. Полет Люциана к Священным Братьям будет для него последним. Великий храм в Дельфосе был сосредоточением упорядоченной магии в Этрусской империи. Это было место, куда приходили молиться и практиковаться магосы, где учились послушники из всех слоев общества в надежде облачиться в атласные одежды жрецов, где Священные Братья давали обет бедности и заботились о храме, его территории и бедных, которые приходили просить милостыню к месту власти ордена. Теперь Люциан будет жить простой жизнью. Он никогда не вернется ни в Картаго, ни к походам.

Он верил, что такой выбор порадовал бы женщину на этом портрете. Она смотрела на него сверху вниз, ее глаза и лицо были так похожи на его. Ее волосы тоже были черными – но его теперь стали немного короче и неровно топорщились там, где он их отрезал. И все же теперь, куда бы он ни направился, никогда больше не посмотрит в зеркало. Его это устраивает. Ему и так не нравилось видеть лицо убийцы каждое утро.

– Ты бы все поняла, мама, – повторил он.

– Нет, она бы не поняла, – произнес холодный голос позади него. Он обернулся и увидел, как его сестра-близнец, Дайдо, наблюдает за ним, одной рукой играя с кинжалом – украшенной драгоценными камнями рукоятью.

Она уже много лет мечтала вонзить его в сердце Люциана.

– Пришла на финальный бой, Ди? Тебе следует побережь свои силы для Испытания. – Люциан встал и пошел рядом с ней, их шаги эхом отдавались в мраморных коридорах.

– Я могу победить тебя меньше чем за пять минут. Не веди себя так, словно мне придется напрячься. – Она пристально посмотрела на Люциана, ее глаза были того же медного цвета, что и у него.

– Ты действительно хочешь, чтобы наш последний разговор был полон оскорблений? – спросил он.

– Да.

Они замолчали. Надменная тишина всегда сопровождала их общение. Стражники в ливреях с вышитым изображением синего Дрейка – личного дракона дома Сабель – стояли по стойке смирно по обе стороны зала, держа наготове серебряные щиты и копья. Справа, сквозь высокие мраморные арки Люциан мог увидеть сверкающий изгиб залива. Дворец Сабель, самое роскошное сооружение во всей столице Антонина, располагался рядом с огромным рынком, сердцем торговли Картаго. Все, что вы когда-либо желали, ждало вас там, и о любой цене можно было договориться. Финики, специи, масла, рулоны алого шелка, цветы белых хризан-

тем, масарская керамика, тигры в клетках, груды апельсинов и бочки с вином – все для продажи. Люциан вспомнил, как ребенком бегал сквозь лабиринт прилавок, а Дайдо гналась за ним, как разноцветные шелковые навесы раздуваются на ветру, словно корабельные паруса.

– Солнце – это лимон, – хихикнула бы Дайдо, шурясь из-за яркого горизонта. – Его сок щиплет мне глаза. – Во времена, когда они с его сестрой еще любили друг друга, Люциан снял бы свою кепку и отдал бы ей.

– Помнишь, как мы были маленькими? – спросил он.

Дайдо стиснула зубы.

– Да. – Она вздохнула. – Но не хочу.

Люциан кивнул.

– По крайней мере, у нас есть хоть что-то общее.

* * *

Круг созыва находился в самом сердце дворца, на открытой арене, окруженной кремовыми глыбами песчаника. Первый правитель Картаго из рода Сабель, Гай, вырезал на камнях водяные лилии. Легенда гласила, что он сделал это в честь своей жены Айзабель: Цветка Войны. Когда империя расширилась до берегов Картаго, Гай прибыл на спине своего огненного дракона, готовый к битве. Айзабель, темноглазая правительница, встретила его с тысячей кораблей. На своих коленях она держала меч и недавно сорванную лилию, усыпанную росой. Она предоставила Гаю выбор: меч или лилия. Война или она.

Великий завоеватель взглянул на королеву-воительницу и был побежден. С тех самых пор семья Сабель приняла обычаи и людей Картаго как своих собственных. Говорили, что любовь правила сердцами мужчин из рода Сабель.

Это были истории, которые сочиняли победители, чтобы придать своему завоеванию романтический блеск. Ты можешь сжигать все в огне и пролить столько крови, сколько тебе заблагорассудится, если все это закончится свадьбой.

Люциан и Дайдо обнаружили своего отца в кругу, где их драконы сидели и ждали зова. Стоило Люциану свистнуть, его дракон, Тихея, расправила свои крылья и выпятила грудь. Она была прекрасна: цвета черно-синего мрамора, как и все чистокровные Дрейки. Тихея покачала треугольной головой с заостренной челюстью. Ярко-голубая бахрома вокруг глаз расширилась, будто взъерошенные перья. Люциан пока не мог подойти к ней, сначала его отец.

– Мои дети. – Лорд Гектор Сабель обнял Люциана и Дайдо. Он нежно поцеловал сына в щеку, но того пронзила боль. Трудно было ненавидеть человека с глазами, полными печали. – Я теряю вас.

Так и было. Дайдо предназначалась Испытанию, а Люциан – храму. Ему повезло, что его сестра была первенцем. Он боялся подумать о том, что произошло бы, если они поменялись бы местами.

Гектор нахмурился и вперился взглядом в коротко остриженные волосы Люциана. Люциан не мог не поморщиться в ответ. Как только Дайдо станет императрицей – а она ею станет, если только наследница Вольска не окажется столь опасной, как предполагали слухи, – ее подвергнут стерилизации в соответствии с имперскими требованиями. Ни один император или императрица не должны иметь детей, которые могли бы претендовать на престол. Люциан тем временем проведет остаток своей жизни, выращивая овощи и прядя шерсть.

Если это была цена, которую он заплатил за прекращение проклятого рода Сабель, то тем лучше. Скоро он обретет покой, вставая на рассвете, подметая полы в храме и кормя голодных. Люциан представил толпу людей в лохмотьях, стекающую к нему за помощью. Он будет заботиться о них, перевязывать раны, утешать в болезни. Это была слишком хорошая жизнь для таких, как он, но он жаждал ее.

Совсем скоро.

– Моя победа будет вашей, отец. И нашей семьи. – Дайдо согнулась в твердом воинском поклоне. Если семья Сабель и смыслила в чем-то, то это в войне. Она сердито посмотрела на Люциана; ее разгневанное выражение лица сильно походило на отцовское. Они с Гектором действительно были похожи. Хотя у близнецов были одинаковые глаза и смуглая кожа, Дайдо также унаследовала заостренную челюсть, косу медных волос – истинный уроженец рода Сабель всегда носил длинные волосы, демонстрируя свою силу и мощь. Она была истинной Сабель, в то время как Люциан пошел в мать во всем, что имело значение.

– Ах, да. Семья. Нет *ничего* важнее этого. – Внутри у Люциана все сжалось, когда он подошел и встал перед Тихеей. Она толкнула его носом в спину, ее горячее дыхание коснулось его шеи. Он погладил ее по морде, успокаиваясь в ее присутствии. Чем скорее это все закончится, тем лучше. Он снимет королевский синий цвет Сабель и облачится в домотканую серую рясу.

Он будет свободен.

Дайдо стояла справа вместе со своим драконом, а его отец – слева. Они терпеливо ждали, пока Солнце зависнет в зените, выжигая тени. Пот струился вниз по затылку Люциана, когда он наблюдал за драконом его сестры, Гамилькар. Зверь лишь только пошаркал на своем огромном каменном насесте и покачал головой. *Ну давай же. Двигайся.* Если Люциан не отправится в путь в ближайшее время, он не доберется до храма до наступления темноты.

Сзади него Тихея издала странный, пронзительный звук. Она поднялась со своего насеста с жестким взмахом крыльев. Люциан следил за тем, как ее тень скользит по песчаной земле, следуя за ней до самого центра круга. Кровь отхлынула от его лица, а ноги отяжелели, когда он увидел, как Тихея уселась на каменную плиту, сложив крылья. Она выжидающе посмотрела на него своими внимательными змеиными глазами.

– *Пойдем,* – казалось, сказала она. – *Я жду.*

Она и Люциан были призваны. Был ли кто-нибудь из младших детей дома Сабель призван раньше? Возможно, ему стоило уделять больше времени изучению семейной истории и меньше ненавидеть ее.

Возможно, ему стоило запрыгнуть на спину Тихеи, сразу же после того как он отстриг свои волосы, и взлететь.

– Что? – голос Дайдо отдался слабой пощечиной. Она бросилась к нему, сжимая кулаки. – Сгинуть тебе в черных пучинах, что ты натворил, идиот?

Ледяной шок, в котором пребывал Люциан, растворился.

– Ты думаешь, что я хочу этого? Что я подстригся ради забавы? – Он встретился с ней в центре арены, где она, оскалив зубы, столкнулась с ним лицом к лицу.

– Ты опозоришь нас еще больше, чем опозорил до этого!

Люциан представил себе, как драконье пламя тает на ледяных полях. Кровь дымится на снегу. На его щеках высохли слезы, стоило сестре одарить его яростным взглядом. стыдно было за пролитые слезы, а не за пролитую кровь.

– Наша семья уже один большой позор, сестренка. – Люциан прищурился.

Рыкнув, она одним ударом своего кулака откинула его голову влево. Люциан встал на одно колено, его челюсть пульсировала, пока он покатывался со смеху.

– *Прелестно.* Поведение настоящей императрицы. – Он впился взглядом в разгневанную Дайдо. – Бери своего дракона и лети на Испытание. Я не нуждаюсь в такой чести.

– Ты не можешь отказаться, – появился запыхавшийся Гектор. – Тот, кто услышал зов однажды, не сможет устоять перед ним. Если Тихея прилетит на Испытание без тебя...

У Люциана скрутило живот. Отбор. Отказ от созыва вел к автоматической дисквалификации. Может быть, ему и следовало бы отказаться от участия – такой монстр, как он, заслуживает забвения.

Но Люциан был жалким трусом. Он стукнул кулаком по земле.

– Я был так близок, – прорычал он.

Дайдо красочно выругалась, когда Люциан встал.

– Вот. – Гектор отстегнул меч, висевший у него на поясе. – Это меч Гая Сабеля. Пусть он принесет тебе удачу.

Длинный меч лежал в золотых ножнах. Люциан вытащил его с чистым звоном стали. Солнечный свет обжигал богатые рубины и изумруды-кабошоны, инкрустированные в рукоять. Этот меч был выкован для империй и императоров.

И Люциан, чье кровавое мастерство в обращении с оружием превосходило даже Дайдо, должен был стать его новым хранителем.

Гектор сжал плечо Дайдо, та выглядела угрожающе, но его отец засиял. Люциан с ужасом осознал, что теперь у Гектора есть то, чего он всегда по-настоящему хотел: один ребенок для Испытания, а второй ребенок для управления Картаго и воспитания внуков для продолжения рода. Благодаря этому созыву династия Сабель сможет существовать еще полторы тысячи лет. Больше детей. Больше солдат. Больше кровопролития.

Сколько людей уже погибло на острие клинка Люциана?

Люциан поднес меч своему дракону. Тихея с любопытством вытянула длинную шею, когда оружие, подняв облако пыли, было брошено к ее когтистым лапам. Указывая на него, он сказал:

– Тихея. Огонь.

Дракон выдохнул струю раскаленного добела пламени, мгновенно расплавив меч.

Сквозь мерцающую стену жара Люциан увидел искаженные лица отца и сестры: Гектор с криком рухнул на землю, Дайдо держалась за него. Когда Тихея закончила, песок, на который она выдыхала пламя, превратился в сверкающий стеклянный круг. Лезвие меча потекло красными расплавленными ручьями, рукоять исчезла, рубины и изумруды потрескались и начали дымиться. Пока Гектор издавал истошные вопли, Люциан быстро запрыгнул в седло Тихеи.

С этого дня и до конца своей жизни он поклялся, что никогда больше не возьмет в руки меч, никогда не поднимет руку на другое живое существо.

Дайдо, спотыкаясь, обошла остатки меча и подошла к нему со слезами ненависти на глазах.

– Выродок, – прошипела она. – Ты *мерзкий выродок*.

Люциан закрыл глаза.

– Ах, если бы это было так, – прошептал он, когда Тихея взмыла в воздух.

3

Веспир

Веспир служила безликим людям с того самого момента, как ей исполнилось двенадцать лет. На территории Икраины простолюдинам было запрещено смотреть в лица знати. Леди Валерия Пентри, давняя завоевательница, положила начало этой системе. Смотреть в глаза высокородному – значит потерять свои собственные, как часто ворчала бабушка Веспир.

Впрочем, не так уж трудно было не смотреть. Веспир всегда кланялась, когда кто-нибудь из членов семьи входил в гнездовье, чтобы забрать своего дракона. Она хорошо изучила ботинки и туфли Пентри. Леди Пентри предпочитала давно вышедшие из моды драгоценные камни на мысках туфель, которые, по ее мнению, громко заявляли о ее богатстве. Лорд Пентри держал свои сапоги настолько безупречно начищенными, что Веспир могла увидеть в них свое отражение.

Как личному держателю драконов единственного ребенка и наследника дома Пентри Веспир было позволено жить во дворце в Хориве, резиденции благородного дома. Она была удостоена большей чести, чем обычно может мечтать слуга. Еда тоже была намного лучше. Большую часть времени она находилась в окружении драконов, и это вся компания, в которой она нуждалась.

Большую часть времени.

Веспир подметала каменные плиты плетеной метлой в тишине, напевая себе под нос. Обычно ей приходилось иметь дело с четырьмя фыркающими драконами. Зверь старого лорда Пентри, в частности, доставлял много хлопот, постоянно гадя серой и щелкая зубами, когда Веспир пыталась убрать за ним. Но вся семья со своими драконами стояла сейчас в кругу созыва, ожидая, когда Антония улетит. Желудок Веспир сжался от этой мысли.

– С ней все будет в порядке, – сказала Веспир своему дракону, единственному обитателю гнездовья на данный момент. Карина сидела за занавеской и дремала после обеда. – Она победит.

– Именно так. – Этот голос. Веспир знала так же хорошо, как и пару зеленых туфель, мятно-желтое шелковое платье, выпуклую грудь и, наконец, дерзкое, совершенное, улыбающееся лицо девушки, которой принадлежал этот голос. Антония из дома Пентри стояла в дверях гнездовья, окруженная теплым солнечным светом. Веспир не была поэтом, она никогда не читала стихов, потому что не умела читать. Но ей казалось, что Антония относится к тому типу девушек, о которых пишут поэты.

При виде ее у Веспир перехватило дыхание.

– Разве вы не должны быть на созыве, миледи? – Веспир молилась о том, чтобы ее нервозность не была замечена.

Антония нерешительно сделала шаг вперед, подойдя ближе.

– Я тут подумала, – сказала она, теребя на пальце кольцо с аметистом. На ее щеках появился румянец. – Есть шанс, что я не вернусь. Испытание... очень опасно.

Сердце Веспир бешено колотилось.

– Да, – пробормотала она. Антония подошла еще ближе, и Веспир ощутила биение ее сердца.

– Если мне суждено умереть, – сказала Антония, – я хочу умереть без сожалений.

Она подошла, шурша шелком, встала на цыпочки и поцеловала Веспир.

Они целовались и раньше, буквально несколько дней назад у реки в быстром порыве, но не так чувственно. Столько всего можно из-за этого лишиться. Но Антония целовала Веспир так, словно ей нечего было терять.

Веспир положила свои руки на талию Антонии, и изо всех сил поборолла желание растрепать ее длинные черные волосы. Если их дочь заявится взъерошенной, Пентри могут что-либо заподозрить. Антония тихо вздохнула. На вкус она напоминала жимолость и цветок персика.

«На вкус ты как джем», – задыхаясь, сказала Веспир Антонии после их первого поцелуя. Опять же, она была далека от поэзии.

С неохотой они разорвали поцелуй. Веспир не знала, что ей сказать. Она вообще не была уверена, что может говорить сейчас.

– Я хотела сказать... – дыхание Антонии дрогнуло. – Я люблю тебя.

Веспир дрогнула, продолжая удерживать девушку в своих объятиях. Три слова – все, что потребовалось, чтобы подарить ей величайшее счастье, которое она когда-либо знала. Веспир ничего не могла пока ответить. Ничего кроме...

– Я люблю тебя. Тоже. Я люблю тебя... очень сильно. – Вот уже много лет Веспир не спала ночами, произнося эти слова в пустую темноту. Она закрывала глаза, желая и надеясь, что однажды, если ей повезет, она услышит их в ответ. Сейчас Веспир не могла поверить, что это на самом деле *произошло*.

Раньше ей никогда особо не везло. Возможно, удача всей ее жизни была припасена для этого единственного идеального момента.

– Я хочу, чтобы ты знала, что я обязательно вернусь за тобой. – Антония посмотрела на нее, и в ее темных глазах блеснула надежда. – Если ты чувствуешь то же самое...

Она не смогла закончить свою мысль, так как Веспир прижалась своими губами к ее. Веспир поцеловала ее снова, затем еще дважды. И еще раз для полного счастья.

Наконец-то они отпрянули друг от друга. Антония запустила свои пальцы в копну черных волос Веспир.

– Постарайся победить, – прошептала Веспир с болью в сердце.

– Если я буду знать, что ты ждешь меня, то обязательно. – Антония удовлетворенно вздохнула. – И тебе лучше быть готовой к переезду в Драгонспай, когда я вернусь с победой.

– Значит, я буду не только личной держательницей драконов императрицы, но еще *любовницей*? Это же так много работы, – простонала Веспир. Обе девушки рассмеялись, отчего у них закружилась голова. Все же была одна хорошая вещь в том, чтобы занимать трон империи: Антония говорила ей, что император или императрица не могут иметь детей, но любовники под запрет не попадали.

– Когда я стану императрицей, у тебя будет гораздо более высокое положение в обществе. – Антония отрезвилась от смеха. – Никто и никогда больше не сможет посмотреть на тебя сверху вниз.

Сердце Веспир затрепетало, даже когда темный, несчастный голос прошептал в ее голове: *что насчет других слуг? Придется ли им по-прежнему держать взгляд опущенным?* Но Веспир отбросила эти мысли в сторону. Нет, она доверяла Антонии.

Девушки вздрогнули, когда колокола проббили полдень. Антония задрожала в объятиях Веспир. Пришло время. Созыв ждет.

До начала их совместной жизни оставалось всего немного. Веспир не собиралась потерять Антонию, она желала обрести ее.

– Иди, побеждай. – Веспир еще раз поцеловала девушку, наслаждаясь ее нежными прикосновениями и вкусом. Мягкая рука Антонии погладила грубую ладонь Веспир, и Антония исчезла за дверью. Веспир подняла плетеную метлу там, где уронила, но она снова выпала из рук; Веспир не могла унять дрожь. Чувство эйфории и печали сражались внутри нее. Вздох-

нув, она оглядела более счастливое и в то же время более холодное место, чем казалось минуту назад.

Обычно гнездовье было сердцем мира Веспир, где она чувствовала себя в полной безопасности. С двенадцати лет она проводила здесь большую часть своего времени, если только не училась летать или дрессировать драконов на арене замка Пентри. Это было куполообразное здание с высоким потолком из серого камня, в котором жили многие поколения Пифоса, официального дракона семьи Пентри.

Веспир потратила большую часть своей жизни на то, чтобы научиться ухаживать за этими животными. У нее были широкие щетки из конского волоса, чтобы разглаживать чешую, кадки с пчелиным воском, чтобы полировать когти и рога, и мази из шиповника, чтобы втирать их в тонкие перепонки крыльев в зимние месяцы, когда воздух становился сухим. Она умела ездить на драконе без седла и уздечки – тот обычай, который соблюдали все Пентри. Антония насмехалась над привычкой других семей надевать уздечки на шестинедельных драконят. Она называла их варварами.

Декоративные гобелены на стенах всегда помогали Веспир почувствовать себя лучше. Они были прекрасны, но что еще важнее, они были единственным напоминанием о том, какой была жизнь на восточной территории Икраины до прибытия Валерии Пентри сотни лет назад. Образы драконов, сложенные из четких геометрических узоров красного, синего и желтого цвета, приветствовали Веспир, куда бы она ни повернулась. Драпировки были окаймлены острыми линиями рогов и когтей, чтобы передать силу, и Веспир любила представлять себе эти тканые гобелены, висящие в домах на широких равнинах в те времена, когда ее народ мог ходить, куда хотел, с лошадьми, ястребами и луками.

Столько лет это место было для нее вторым домом. Но теперь гнездовье было еще одним напоминанием об Антонии. О том, как Веспир впервые увидела ее в двенадцать лет, когда пряталась на стропилах. О том, как она положила руки на бедра Антонии, чтобы отрегулировать ее позу для полета на драконе, и ее щеки вспыхнули из-за прикосновения. О годах, проведенных в наблюдении издалека, в желании. Об этих последних нескольких прекрасных мгновениях, об этих нашептанных обещаниях.

Но... а что если Антония не вернется?

Веспир вдруг возненавидела это место. Вытирая слезы со щек – она не могла плакать, когда вокруг было столько работы, – Девушка повесила лишнюю упряжь Антонии и вычистила стойло ее дракона. Дедал больше не вернется. Хоть и ненадолго, если вообще когда-нибудь.

За занавеской кашлянула и зевнула Карина. Веспир откинула брезент и улыбнулась.

– Держу пари, тебе хотелось бы посмотреть на созыв, – сказала она.

Лучшая часть в работе держателя драконов заключалась в том, что можно было получить в свое распоряжение собственного дракона. Разумеется, Веспир не была удостоена высококлассного драконьего яйца – она не была аристократкой. Но для нее Карина была идеальна. Да, она была меньше, чем большинство других драконов. Средняя длина драконьего туловища от морды до хвоста составляла примерно шесть метров, в то время как Карина едва ли перевалила за три. Ее крылья не были изогнуты, а скорее походили на крылья летучей мыши. У нее не было рогов, морда была короткой, а чешуя коричневой, как русло реки, а не зеленой, как у чистокровного Пифоса. Но зато ее янтарные глаза были быстрыми и умными. Дракон расправил крылья, сидя на своем насесте, железном пруте, установленном в задней части стойла. Солома устилала пол, и питомец Карины, козел Барнабас, потянулся и заблеял на свою подругу. Драконы были подобны лошадям, всегда нуждающимся в обществе. Карина наклонилась и понюхала прядь седых волос на макушке Барнабаса, затем коснулась своим лицом его морды. В ответ козел завил хвостом.

– Буп. – Веспир усмехнулась. Она всегда издавала звук «буп», когда они соприкасались носами. Это казалось правильным. Вытирая слезы, она сказала: – Я принесу тебе обед, девочка.

Веспир отбивала деревянным молотком свежую окровавленную баранью ногу, когда услышала плач Карины. Отбросив молоток в сторону, Веспир отдернула занавеску.

– В чем дело, Карина?

Эти звуки были ужасны. Дракон расправил крылья, запрокинув голову к потолку и застонал, словно умирающая корова. Барнабас промчался мимо Веспир, бляя от страха, и выбежал за дверь. Веспир схватила успокаивающий прут: полтораметровую палку с павлиньими перьями на конце. Цвет, движение и ощущение перьев часто помогали успокоить кричащего дракона. Стиснув зубы, Веспир попыталась дотронуться до Карины, но дракон взмахнул крыльями и рванулся вперед. Веспир едва успела спрыгнуть на землю, прежде чем Карина проплыла мимо, скользя по каменным плитам, и направилась к выходу из гнездовья. В ужасе Веспир наблюдала за тем, как ее дракон взмывает в небо.

– Только не сегодня. О нет, почему из всех дней именно сегодня? – ахнула она, пытаясь догнать Карину. Слуги разинули рты, когда Веспир промчалась мимо них, размахивая руками над головой. – Немедленно вернись! Из-за тебя нас обеих убьют!

И она нисколько не преувеличивала. Если это помешает избранию, Пентри казнят их. Веспир проследовала за драконом через персиковые сады и заднюю лужайку дворца Пентри. День был ясный, солнце слегка припекало, и Веспир вспотела, перепрыгивая через забор и спускаясь по склону холма. Ее ботинки тонули в грязи от свежего дождя, забрызгивая брюки.

Но когда она увидела, куда направляется Карина, Веспир чуть не закричала. Она бы так и сделала, если бы страх не сжал ей горло.

Карина полетела к кругу из белых стоячих камней, где собралась большая часть домашней стражи, все в зеленых ливреях дома Пентри. Они окружили лорда и леди Пентри, Антонию и их драконов. Карина направлялась на церемонию созыва. Веспир казнят.

– Стой, – прошептала она, когда Карина проплыла мимо драконов семьи. – Остановись, – умоляла она, когда Карина накренилась и опустилась в центр круга. – Прекрати, – взмолилась она, когда все – Пентри, стража, перепуганная Антония – повернулись к ней.

Веспир пробежала сквозь ряды стражи и остановилась перед Кариной. Драконица взмахнула хвостом и заморгала янтарными глазами. Она выглядела довольной.

– Но почему? – прошептала Веспир. У нее подогнулись колени. Она рухнула ниц перед семьей Пентри. Трава щекотала ей лоб. – Простите меня, милорд. Я ничего не понимаю, – Веспир заплакала, когда к ней подошли блестящие ботинки безликого лорда Пентри.

Уф. Сапог ударил ее по бедру. Звезды боли взорвались в ее глазах, когда она попыталась отползти.

– Простите меня, – рыдала она.

Еще один удар пришелся ей в живот. Веспир почувствовала кислый привкус в горле и сжалась в комок.

– Вороватая дрянь! – прогремел лорд Пентри.

Веспир ожидала нового удара, но его не последовало. Звон в ее ушах почти заглушил голос Антонии, кричавшей на отца. Веспир лежала, мучаясь от боли, зная, что никто из стражи ей не поможет. Если лорд Пентри прикажет – они убьют ее.

Но они не тронули ее. Это сделала Антония, подняв Веспир на ноги. Веспир не отрывала взгляда от земли... но Антония подняла ее подбородок. Их темные глаза встретились.

Веспир слышала, как все затаили дыхание.

– Не надо, – выдавила из себя она. Но Антония взяла ее лицо в свои руки и поцеловала. Их слезы смешались. В голове у Веспир пульсировало. Ее желудок задрожал. Она понимала, что ее сейчас стошнит.

– Да как ты смеешь! – это был голос леди Пентри. Но Веспир даже не взглянула на нее. Она смотрела только на Антонию, которая поглаживала ее по щеке. Подбородок Веспир подрагивал.

– Пообещай мне, что попытаешься победить, – прошептала Антония, слезы текли по ее лицу. Веспир была готова пообещать этой девушке весь мир, обернутый в ленту, словно подарок. В обычных обстоятельствах она бы солгала, чтобы утешить ее, но...

– Я не знаю как, – прошептала она в ответ.

4

Аякс

Для Аякса слово «семья» было на вкус словно кровь, вероятно, потому что его близкие всегда заставляли его истекать кровью. Например, прямо сейчас. Кулак Лисандра встретился с лицом Аякса.

Во рту Аякса разлилось медное тепло, когда он упал, чтобы бросить взгляд на своего старшего, законнорожденного брата. У Лисандра было все: квадратная челюсть, блестящие светлые волосы, высокий рост. Но, кроме этого, он также был туп, словно кусок низкосортного дерева. Аякс, возможно, и не носил фамилию Тибр, но у него хотя бы были мозги.

Если только его не поймают за каким-нибудь глупым занятием. Как сейчас.

– Я же сказал тебе перестать класть две кости в чашку! – Лисандр повел своей квадратной челюстью. А, две кости. Лучшая игра в кости, которую только можно было себе представить, позволяющая вам обмануть столько тупых старших братьев, сколько вы пожелаете. У Аякса была их целая куча.

– Я не виноват, что Димитрий никогда не ловит меня на жульничестве. – Аякс пожал плечами. – Я все же младший брат. Я должен проверять его.

– Скорее младший брат-бастард, – поправил Лисандр. Аякс встал и расправил плечи. Он подошел к груди Лисандра. При росте в сто шестьдесят сантиметров Аякс мог еще вырасти, обогнав брата. Это обнадеживало.

– Точно. Как же я посмел на мгновение забыть, что вы с Димитрием – золотые мальчики, в то время как остальные из нас, – он обвел взглядом арену круга созыва, заполненную двадцатью семью лучшими и худшими бастардами лорда Квинта Тибра, – нам повезло, что мы вообще родились от него.

Губы Лисандра скривились.

– Только бастард может разговаривать как простолюдин.

Аякс пожал плечами:

– Только простолюдин может ударить бастарда.

– Кстати, о бастардах. – Аякс знал, к чему клонит Лисандр. Его брат сорвал с шеи Аякса золотую цепочку, ту, на которой болтался кулон в форме Виверны. Та самая, которую Аякс почти честно выиграл у Димитрия. Аякс опустил плечи, чувствуя нарастающее напряжение, когда Лисандр положил кулон себе в карман. – Официальная печать семьи Тибр предназначена только для законнорожденных сыновей.

– Димитрий еще более глупый, чем ты. Хотя плечи у него получше, – Аякс поскрежетал коренными зубами. Его ноги задрожали. – Реликвия должна достаться кому-то более достойному.

– Возможно. Но это никогда не будешь ты, Аякс. – Лисандр ухмыльнулся ему в лицо. – Ты даже не первоклассный бастард. Вот почему твоя мать не могла задержаться и на пять минут после родов.

Зрение Аякса затуманилось; на щеке задрожал мускул. У него было всего несколько так называемых «струн бешенства», и его мать входила в их число. Он вечно злился на нее за то, что она бросила его в этом ледяном замке, с его серыми слугами и драчливыми братьями, но никому больше не было позволено говорить про нее. Никогда.

И все же это был важный день для Лисандра. День избрания, когда его Виверна покинет Вистлоу, центральный город в предгорьях Вроцлави, и отвезет его к блистательному Испытанию, которое он, как надеется Аякс, проиграет. В конце концов, император Эразмус происходил из рода Тибр. Слишком *жадно* усаживать двух императоров подряд, ведь так?

Поэтому Аякс просто улыбнулся.

– Если ты меня и научил чему-то, Лисандр, так это тому, что совсем необязательно родиться ублюдком, чтобы быть им. – Лисандр удовлетворенно кивнул. Оскорбление пролетело мимо его красивой деревянной головы. – Удачи.

Старший брат фыркнул.

– Верно. Знай свое место, сопляк.

Он ушел, а когда повернулся, Аякс схватил кинжал, висевший у него на поясе, и с особым мастерством разрезал ткань брюк Лисандра. Они порвались прямо по центру, являя всему миру розовые ягодицы Лисандра из рода Тибр. Некоторые из мальчишек заметили это, когда он спускался по ступенькам, и громко расхохотались. Аякс тем временем забрался на каменный выступ прямо рядом со своим драконом.

– Ты просто сидел и наблюдал, как мне разбивают губу? – Аякс сердито посмотрела на Пса, наверное, самого глупого дракона во всей империи. – Ты хуже всех.

– *Gan*, – услужливо отозвался Пес, расправляя свои крылья, как у летучей мыши.

Одной из причин, по которой у пяти семей было мало детей, являлась нехватка драконьих яиц. Каждый из представителей благородного рода нуждался в драконе – и бастард, и признанный ребенок, но драконы редко откладывали яйца. Лучшие, самые большие яйца хранились для официальных членов семьи, меньшие – для держателей драконов и бастардов. Аякс был двадцать первым бастардом из двадцати семи и далее по счету. Таким образом, ему досталось довольно убогое яйцо.

Красная Виверна была драконом дома Тибр, но Пес был скорее похож на летающего хамелеона кирпичного цвета с завитым хвостом, который он любил обматывать вокруг своего насеста... или талии Аякса. Синяя бахрома обрамляла его горло, крошечные рожки украшали голову и нос, а выпученные глаза могли поворачиваться под любым углом. Прямо сейчас правый глаз Пса был направлен на Аякса, а левый – на жужжащую муху, которая металась из стороны в сторону.

Эх. Аякс почесал живот дракона. Пес восторженно замахал хвостом.

– Просто подожди до следующего года. Армия и понятия не имеет, что она приобретает. – Он ухмыльнулся, подумав о возможностях, которые открывает война. Там были сражения, в которых можно победить, золото, которое можно получить. Если Аяксу не было суждено прославить свое имя, он мог хотя бы разбогатеть, будучи быстрее и ненасытнее, чем все остальные.

В его представлении мир был готов к захвату.

Он посмотрел на круг созыва. Кольцо из мраморных камней ждало внизу, а двадцать девять детей лорда Тибра и все их драконы сидели на ступенях массивной арены. Это был настоящий зоопарк: драконы огрызались друг на друга, юноши толкались, плевались и смеялись слишком громко. Аякс не был уверен, была ли у Тибра хотя бы одна дочь, или он просто не принимал девушек-бастардов в свой дом. Каков бы ни был ответ, Аякс вырос в окружении парней, которые толкались и жутко пахли. Он почесал свою грязную светловолосую голову, стянул локоны сзади в хвост, свисавший до основания шеи, потуже.

Впереди Лисандр и Димитрий находились в ожидании.

Полуденное солнце нашло свое место на небе.

– Черт, как долго это еще будет продолжаться? Нам нужно спуститься к пристани. Там будет проходить игра в карты, в которой я хочу принять участие. И денежный приз обещает быть невероятно высоким. – Аякс рассказал это все Псу так, словно тот мог ему ответить. На самом деле Пес, казалось, был сосредоточен на круге созыва. По-настоящему сосредоточен.

– Я не хочу, чтобы ты снова изрыгал дым на всю шайку Корвуса, понятно? Ты, эй! Куда это ты собрался, идиот?

Пес устремился вниз, к кругу. О, этот глупый *дракон*. Щеки Аякса вспыхнули, когда он побежал следом, ловя взгляды остальных мальчишек с арены. Ну разумеется, Пес нашел способ испортить это чертово призвание.

– Эй! – крикнул он, когда Пес приземлился прямо в центре круга. Глаза дракона вытаращились, когда Аякс бросился за ним, и он хмыкнул, как только тот дернул его за уздечку.

Подождите. Секунду.

Аякс посмотрел на Лисандра и Димитрия, оба стояли, разинув рты от шока. Затем он взглянул на шестидесятичетырехлетнего лорда Тибра, раздувшегося, словно ленивая жаба. Он бросил свой взгляд на толпу своих братьев-бастардов, ни один из которых никогда не обращал на Аякса внимания.

Но сейчас он завладел их вниманием. Ни один другой дракон не вышел вперед. Только Пес терпеливо ждал на этом камне, чтобы улететь, прислушиваясь к зову, которого никто больше не слышал.

Даже не зову. А *Созыву*. Аякс, бастард семьи Тибр, был призван на Императорское Испытание. Забудьте про Отбор и соревнование. Наконец-то все смотрели на него с изумлением. С уважением.

– Ах ты, маленький бастард! – воскликнул Лисандр. В ответ на это Аякс сплюнул струйкой крови. Приземлившись на землю, она стала переливаться перламутром слюны. Он усмехнулся, когда все юноши на арене, за исключением Лисандра и Димитрия, начали скандировать его имя.

– А-якс! А-якс! А-якс! – они встали со своих мест, тряся кулаками в воздухе, и выглядели словно море бритых голов, сломанных носов и кривых зубов. Один из них повернулся, спустил свои штаны и покачал задом. Прекрасно. Аякс развел руками, наслаждаясь криками и зная, что Лисандр ничего не сможет с этим поделать. Для большего эффекта Аякс сделал грубый жест руками. Лисандр закричал от ярости, и толпа развеселилась еще больше. Аякс будет представлять Красную Виверну. Теперь он часть семьи Тибр.

Нет. Забудьте Аякса Тибра. Аякс Сарконус, дракон-император Этруссии, и все это в нежном возрасте пятнадцати лет.

Мир создан для того, чтобы быть завоеванным. И он это делает.

5

Гиперия

Гиперия Вольска не видела разницы между доспехами и мантией. Они были боевым одеянием, одно предназначалось для войны, другое – для мирного времени. Истинный лидер понимает, что война и мир могут быть одинаково опасны. В военное время народ мог взбунтоваться от гнева. В мирное время знать могла что-то замышлять от скуки.

Ее родители позаботились о том, чтобы Гиперия знала свой путь на каждом кровавом и прекрасном поле битвы. Она была благодарна им за это.

Для созыва Гиперия выбрала наряд, достойный императрицы. Она стояла спокойно, высокая и холодная, пока слуги порхали вокруг нее, подгоняя наряд. Она носила золото – цвет семьи Вольска. Шелковая юбка из тафты казалась облаком, лиф из золотых филигранных кружев был таким нежным, что только служанке с самыми ловкими руками позволялось дотрагиваться до него. Манжеты на ее запястьях были украшены жемчугом, а в золотистые волосы вплетены жемчужины. Ее личная горничная провела кончиком пальца по скулам, оставляя золотую пыль, похожую на след падающей звезды. Гиперия поворачивала лицо то в одну, то в другую сторону, ее голубые глаза изучали каждую грань ее внешности. Она знала, что красива. Но она не гордилась этим. Красота была случайностью, как и рождение. Только навыки можно было приобрести.

Девятнадцатилетняя и старшая дочь Вольска, она была рождена для Испытания. Но через годы жертв и боли она действительно заслужила свое место.

– Хорошо, – сказала она наконец. Слуги дружно выдохнули.

Она добавила последний штрих: пояс с оружием. Меч висел у нее на левом бедре, кинжал – на правом. Она была готова.

Утренний туман рассеялся, когда она пересекла луг, направляясь к кругу созыва. Прохладный ветер трепал завитки ее волос. Гиперия уловила обрывки птичьего пения и улыбнулась, когда услышала смех за своей спиной. Обычно она пригрозила бы кинжалом любому, кто попытался бы подкрасться. Любому, но не своей сестре.

– Ты забудешь меня? – Джулия схватила Гиперию за руку и побежала вперед, потянув ее за собой. Гиперия обычно не улыбалась, она предпочитала не делать ничего неискреннего, но сейчас она улыбнулась.

– Нет. Я никогда тебя не забуду, – тихо сказала она.

Джулия усмехнулась.

– Ты должна сказать: «Да», а потом я должна заплакать так, будто мое сердце разорвется. – Джулия всегда была склонна к полетам воображения. В детстве она умоляла Гиперию сыграть в воображаемый мир, а затем сама разыгрывала роли принцессы и прекрасного принца. Гиперии же была поручена роль декораций. Она не понимала таких причуд, но могла полюбить их в своей младшей сестре. Она коснулась косы Джулии, заплетенной на затылке. Вчера эти волосы были рассыпаны по ее плечам.

– Я предполагаю, тебе когда-нибудь все же придется повзрослеть, – задумчиво произнесла она. По правде говоря, четырнадцать – это поздногато. Гиперия стала женщиной в двенадцать. Но она не возражала, чтобы Джулия подольше оставалась ребенком. Ее сестра была

немного ниже ее ростом и с каштановыми волосами. Джулия обняла Гиперию за талию. Гиперия поцеловала ее в макушку.

– Когда ты станешь императрицей, ты сможешь нас навещать? – спросила Джулия.

– Иногда. – Это не было ложью, хотя Гиперия и не думала, что когда-нибудь снова захочет вернуться в Арденны. Земельные владения дома Вольска были богаты залитыми солнцем виноградниками и лавандовыми полями, яблоневыми садами и густыми лесами. Они были лучшими в езде на драконах и второй по богатству семьей. Их главная семейная резиденция в Ауреусе была более богатой, чем любая другая в мире, их приверженность искусству и музыке не имела себе равных. Джулия обожала все это – концерты и маскарады. Она могла бы каждое утро потягивать игристое розовое вино и есть ванильные пирожные с помадкой.

Гиперия не была любительницей сладкого. Вольска начинали как воины, но затем стали мягкотелыми. В семье не было императора вот уже девять поколений, дольше, чем в каком-либо другом доме. Это было постыдно. К счастью, родители Гиперии научили ее делать все правильно. Теперь она была готова.

Хотя попрощаться с сестрой будет трудно.

– Прощай, соловей, – пробормотала Гиперия. Джулия крепче сжала ее в объятиях.

– Привет, жаворонок. – Она усмехнулась. Это была детская песенка, которую часто пела Гиперия, когда они были маленькими, и которую она выучила у старой гувернантки. Гиперия никогда не видела смысла в музыке. Но она нравилась Джулии, а значит, имела ценность.

Они подошли к кругу из обсидиановых камней, блестящих под высоким жарким солнцем. Родители Гиперии сверкали в своих золотых украшениях. Джулия бросилась обнимать их, Гиперия осталась стоять на месте. Отец подошел к ней и положил тяжелую руку на плечо. Она вздрогнула от его крепкой хватки.

– Не подведи, – тихо сказал отец.

– Я никогда этого не делала. – Когда он отпустил ее, она повела плечом. По траве промелькнули тени, и семейные драконы спустились с неба. Все драконы были великолепны, но золотой Гидре Вольска не было равных. Дракон Джулии, Минерва, был великолепен. Но Авфидий, дракон Гиперии, был самым прекрасным драконом, которого когда-либо видел мир с момента образования империи тысячу лет назад. Голова Авфидия представляла собой редкую, изысканную форму в виде ромба. Размах его крыльев достигал двенадцати метров. Эксперты измерили изгиб его шеи и признали ее идеальной. Его чешуя темно-золотого цвета сияла в лучах солнца. Его глаза, черные, как вулканический обсидиан, светились яростным умом. Большинство драконов были чем-то большим для своих всадников, чем просто любимые домашние животные.

Авфидий был для Гиперии партнером.

Однажды он вполне может снести ей голову, если она сделает неверный шаг. И это было совершенно верно. Он же был драконом.

Драконов стоит бояться.

В этом они были похожи на императоров.

Авфидий издал рык, когда Гиперия встала рядом с ним и стала ждать. Джулия, сидевшая напротив нее, помахала рукой. Шли минуты.

Гиперия не поддавалась панике, пока время шло. Она раньше никогда не присутствовала на созыве и думала, что все произойдет само собой.

Она не испугалась, когда Минерва расправила крылья и взмыла вверх. Джулия вытянула шею, чтобы взглянуть, но внимание Гиперии было приковано к камням.

Однако когда Минерва приземлилась в центр обсидиановой плиты, каждый мускул в теле Гиперии застыл. Гидра расправила крылья и пристально посмотрела на Джулию. «Пойдем», – будто бы говорила она.

О мой бог, *Джулия*. Гиперия содрогнулась от ужаса. Ее сестра ничего не смыслила в военном искусстве. Она была вторым ребенком. Она была слишком молода. Она никогда не станет императрицей.

Вместо этого ее отправят на Отбор.

Гиперия шагнула к камню в центре, а Авфидий заскрежетал зубами. Джулия всхлипнула, когда Гиперия встала перед ней.

– Пожалуйста. – Гиперия сделала свой голос холодным и рассудительным. Она не знала, с кем разговаривает, но что бы это ни было, ей казалось, что оно слышит ее. – Произошла ошибка. Я Гиперия Вольска, старшее дитя дома. – Гиперия говорила формально, потому что это было для нее естественно и потому что в противном случае она могла бы поддаться страху. Императрица не может знать страха или сомнений. Она должна сделать то, что необходимо. – Это мое право на вызов. Я претендент на драконий трон. Если вы отзовете этого дракона и выберете моего, я прибуду немедленно. Без задержки. – Она остановилась. – Если вы будете так добры. – Гиперия с трудом произнесла эти слова. Императрица не просит об одолжениях.

Но она еще не стала императрицей, и сейчас эта возможность оказалась под угрозой.

Минерва хлестнула хвостом и не двинулась с места. Платье Гиперии начало увядать под палящим солнцем. Они теряли время. Скоро Джулии придется покинуть их. Если ее дракон прибудет без нее... Отбор будет произведен автоматически.

– Не отпускай меня. – Рыдания сестры вырвали Гиперию из ее мыслей. Она крепко обняла Джулию, позволив ей плакать у нее на плече. – Я не могу этого сделать!

– Все в порядке, – успокоила ее Гиперия. Она поцеловала Джулию в лоб и крепко зажмурилась. – Моя малышка. Все в порядке. Она прижимала к себе заплаканное лицо Джулии, пальцы Гиперии на мгновение задрожали. – Пожалуйста, прости меня, – прошептала она.

Гиперия вытащила кинжал и аккуратно провела лезвием по горлу сестры.

Глаза Джулии расширились от шока. Она захлебнулась и оттолкнула Гиперию, когда кровь хлынула из ее шеи, а затем рухнула на землю. Гиперия должна была возвышаться над поверженным противником, потому что именно им стала Джулия в ту минуту, когда была призвана. Но вместо этого Гиперия опустилась на колени. Она крепко держала Джулию за руку, наклонившись так, чтобы ее младшая сестра могла видеть лицо того, кто любит ее, пока она умирает.

– Прощай, соловей, – пробормотала Гиперия, когда Джулия вздрогнула на траве. На лице и одежде Гиперии кровь была теплой. Хватка сестры ослабла. – Привет, жаворонок.

Когда Джулия Вольска умерла, Гиперия, сдержав слезы, поцеловала сестру в лоб и встала. Она услышала жужжание, напоминающее муху. Ей потребовалось мгновение, чтобы выйти из оцепенения и понять, что на самом деле это было плачем ее матери. Леди Вольска упала на колени. Она потянулась к дочерям и закричала. И снова закричала. Лорд Вольска держался за свою жену, его лицо побледнело.

Гиперия стрельнула в них взглядом.

– Прекратите, – рявкнула она. *Вы сделали меня такой.*

Но крики не прекращались. Гиперия отступила назад и посмотрела, что будет делать Минерва. Дракон спрыгнул с обсидиановой плиты. Он понюхал тело своей хозяйки, тыча носом в Джулию. Гидра застонала, ее песня была невинна – прекрасна и печальна. Гиперия чувствовала, как каждая печальная нота эхом отдается в ее душе.

Минерва широко раскрыла пасть и проглотила тело Джулии в три приема. Один: голова и плечи девушки исчезли. Два: видны были только ее ноги в чулках. Три: на траве остался только след крови Джулии. Гиперия кивнула, чувствуя себя немного успокоенной. Это был конец и в то же время слава для любого наездника. Быть погребенным в огненном чреве дракона означало стать бессмертным. Это была величайшая честь, какая только может быть. По крайней мере, она дала Джулии это, а не позор Отбора.

Я люблю тебя, подумала она.

Гиперия повернулась к теперь уже пустой каменной плите, кровь ярко блестела на ее золотистом лице. Она почувствовала, как по щеке потекла кровь, и потянулась, чтобы вытереть ее, но остановилась. Вместо этого она вытерла кинжал о свою юбку и убрала его обратно в ножны. Сопровождаемая рыданиями родителей, она сузила глаза, словно целилась из лука.

– Я Гиперия из рода Вольска, последнее оставшееся дитя дома. Императорское Испытание по праву принадлежит мне. Давайте же. – Она протянула руки к небу ладонями вверх. Она будет ждать столько, сколько потребуется. Она будет ждать вечно.

– Призовите меня.

6 Эмилия

Эмилия и представить себе не могла, что в мире может быть столько синевы. Она проснулась час назад, крепко привязанная к седлу Чары в традиционной позе верховой езды. Сытый и отдохнувший дракон мог лететь целый день без остановки, и Чара не отзывалась ни на какие толчки Эмилии, ни на ее поджатые ноги. Дракон летел вперед, прислушиваясь к невидимому зову. Когда Эмилия заснула прошлой ночью, они пролетали где-то над восточным материком империи. Теперь, когда солнце ярко сверкало над морем, она могла только смотреть на это с изумлением. Она выросла, постоянно слушая рев океана, но те воды были темными и бушующими, серыми. Не такими, как сейчас, в тени летнего неба, и невероятно теплыми.

Она была права; и это вызвало у нее легкий прилив удовольствия. Первым местом проведения Испытания было Кротское море. Эмилия изучила Кротские территории и знала, что это земля вечного лета, диких островов и бесконечной синевы.

– Мы почти на месте, девочка? – мочевой пузырь Эмилии был готов взорваться. В ответ Чара лишь скользнула вниз по течению ветра. Впереди Эмилия смутно смогла различить остров. – Наконец-то, – простонала она.

Чара взмахнула крыльями, замедляясь и падая. В итоге они приземлились на широком расчищенном участке земли. Когда Эмилия соскользнула на землю, ее колени подогнулись, а бедра начали пульсировать от боли. Она никогда раньше так долго не ездил верхом.

Дрожа, она положила ладони на землю и закрыла глаза. Она чувствовала нить связи между собой и Чарой, руками, землей внизу и океаном позади. Тепло магии начало наполнять ее тело, и сердце в ответ забилося быстрее. Ничего не изменилось. Снова Эмилия представляла собой проклятый сосуд. Полет сюда потряс ее настолько сильно, что хаос держался на расстоянии, но теперь он вспыхнул с новой силой. Магия, колющая, кипящая болью ее часть, требовала выхода наружу. Она развернулась и, стоя на четвереньках, посмотрела вниз, на плещущиеся волны. Она сосредоточилась на кучке камней, скользких от водорослей: их вершины блестели, когда вода отступала на одно мгновение, прежде чем плеснуть снова. Эмилия разглядела свою колеблющуюся тень, очерченную солнечными лучами.

В голове у нее стучало; кровь пульсировала в висках. Закусив губу, Эмилия сосредоточилась на камнях и освободила свой хаос. Камни взорвались, осколки разлетелись во все стороны, плюхаясь в воду. Огромные пузыри воздуха поднялись на поверхность. Море заглушило взрыв, и тотчас напряжение в голове Эмилии сошло на нет. Глухой рев в ушах исчез. Она была в безопасности.

Пока что. Эмилия уже давно сравнивала эти «вспышки» с сильным расстройством желудка. Когда ты чувствуешь, как оно приближается, но не можешь это остановить. Все, что она могла сделать, – найти лучшее место, чтобы переждать приступ. После этого она чувствовала себя опустошенной. Тяжело дыша, Эмилия повернулась и устала на пару обутых в сандалии ног. Человек перед ней был одет в домотканую коричневую тунику.

О нет. Нет, нет, он все видел? Стараясь сохранять спокойствие, Эмилия посмотрела вверх. Человек перед ней не выглядел ошарашенным или испуганным. Облегченно выдохнув, Эмилия встала, отряхивая колени. Девушка, да, определенно девушка, ненамного старше ее, спокойно смотрела на Эмилию.

– Вы приглашены к ожиданию, – сказала девушка, указывая на тропинку, которая шла вверх по небольшому склону. – Их Милости придут к вам в нужное время.

– О! – Разумеется, Их Милости, верховные жрецы храма в Дельфосе. Будучи распорядителями магической силы ордена, верховные жрецы говорили от лица Великого Дракона здесь, на земле. Они всегда управляли Императорским Испытанием. До тех пор пока новый император не был коронован, они исполняли роль правительства Этруссии.

И Эмилии предстоит ускользнуть от их внимания. От одной такой мысли ее охватила тошнота.

– Спасибо. – Эмилия попыталась улыбнуться. *Старайся не показывать слишком много зубов*, наставляла ее мать. Улыбка Эмилии заставляла людей чувствовать себя некомфортно.

Чара фыркнула у нее за спиной. Эмилия подошла, чтобы снять седло: у бедного дракона появятся высыпания, если его вовремя не помыть. Девушка в капюшоне, коричневая мантия выдавала в ней, как теперь догадалась Эмилия, служанку храма, издала гортанный звук и схватила Чару за поводья. Дракон позволил ей это.

– Вы приглашены к ожиданию, – повторила девушка.

Эмилия схватила свою сумку и пошла. Она бросила взгляд на Чару через плечо, но дракон выглядел более чем хорошо, радостно пыхтя, когда девушка ослабила седло. Как только Эмилия дошла до конца тропы, она посмотрела на храм, стоявший перед ней. Ее глаза расширились. Она ожидала увидеть красоту, но не... но не такую. Ряды мраморных колонн вели вниз по длинному, цветущему двору прямо к зданию. Несколько ступенек восходили к храму, сделанному из настолько белоснежного камня, что он сверкал на солнце. Двери блестели медью, а треугольная крыша отливала золотом. На резном фризе были изображены воины на спинах своих драконов, сражавшиеся с ордой своих оскалившихся врагов. Рядом с началом колонн стояли покрытые мхом каменные драконы, служившие охранниками. Прямоугольный бассейн, находившийся в центре, отражал лазурную синеву неба. Фонтан журчал в дальнем конце, рядом с бронзовой статуей человека, ноги которого будто бы скользили по поверхности бассейна. Его рука была поднята в торжественном жесте, а из-за спины, по обе стороны от него, выглядывали драконьи крылья. Эмилия знала историю этой скульптуры: она была создана в память об Антонине, первом императоре Этруссии, который оседлал Великого Дракона в битве против дома хаоса.

Она закрыла глаза. Дом хаоса. При одной мысли об этом у нее скрутило живот.

Это не было даже Великим Храмом в Дельфосе. А скорее очередным святым местом, спрятанным где-то в синеве Кротского моря. Эмилия не видела это место ни на одной из карт. Возможно, оно было возведено специально только для того, чтобы собрать вместе всех, кто был выбран Великим Драконом. Эмилия вздрогнула от осознания того, что Испытание хранит в себе множество тайн, о которых даже она, со всеми своими книгами и исследованиями, никогда не слышала.

Во дворе в изобилии цвели различные кустарники и фруктовые деревья. Груши и гранаты буквально дрожали, созревшие и готовые упасть. У Эмилии потекли слюнки. Ей захотелось сорвать грушу и откусить от нее сочный кусочек...

Эмилия снова почувствовала, как хаос нахлынул, и ее горло сжалось. Она была готова взорвать все эти груши, а может, и все чертово дерево. Кряхтя, она тяжело опустилась на землю, прикрывая свои глаза большими пальцами. Магия кипела в ее черепе. Разноцветный свет брызнул на ее закрытые веки. Сила бурлила в ее крови, готовясь вот-вот взорваться.

Прекрати. Я только что выпустила тебя. Не надо, умоляла Эмилия. Она стиснула зубы и тяжело вздохнула, когда почувствовала, что хаос исчез. Гул в ее голове стих, и узел напряжения между ее плечами ослаб. Она вовремя остановила хаос. Но почему? Она буквально несколько минут назад дала магии свободу; почему оно вдруг появилось снова, стоило Эмилии только подумать о грушах? Она никогда не испытывала двух всплесков так скоро.

– Черт, – прошептала Эмилия. Возможно, если бы она была нормальной, то смогла бы выиграть это Испытание со своими книгами и стратегиями, но эта штука, этот монстр внутри нее... Если он решит проявить себя в неподходящий момент...

Они убьют меня.

Хуже, они поймут, что семья Эмилии прятала ее все это время, чтобы утаить ее темные способности. Взрывание камней можно было считать безвредным, но Эмилия делала вещи и похуже. Намного хуже.

Она могла взрывать парней. Точнее, одного конкретного парня.

Они будут винить маму с папой, она прикусила губу, и Алекса.

– Привет? – кто-то окликнул ее справа. Эмилия вскочила на ноги и заметила высокую фигуру молодого человека, стоявшего в тени колонны. Он вышел на солнечный свет, который играл на его черных волосах. – Хорошо. Наконец-то здесь появился кто-то еще. Она не узнала ни низкого голоса, ни беспорядочно подстриженных волос. Но эти глаза ни с чем нельзя было спутать: этот жидко-медный цвет мог принадлежать только одной семье. Только одному человеку. Впервые за пять лет Эмилия испытала трепет из-за приятного сюрприза.

– Люциан? – прошептала она, придвигаясь ближе.

Люциан, которого она видела в последний раз пять лет назад, был на полголовы ниже ее и круглощеким. С тех пор он вытянулся в росте и стал более мускулистым. Темная щетина говорила о том, что ему нужна бритва. Эмилия почувствовала тепло при виде его неожиданного, совершенно восхитительного вида. Другой, да, он был другой, но в то же время знакомый. Он не представлял собой угрозы. В этот момент Эмилия даже не могла предположить, что он здесь делает или где Дайдо, или еще что-нибудь разумное. Важно было то, что *он* был *здесь*, кто-то, кто знал ее до того, как у нее начались головные боли и улыбка исчезла с ее лица. С облегчением она подбежала к нему... и остановилась

Он посмотрел на нее так, словно она была инопланетным существом. Ужас загорелся в его глазах, когда он окинул взглядом ее тело.

– Эмилия? – прошептал он. – Что с тобой *случилось*?

7

Люциан

Люциану было семь лет, когда его мать погибла во время похода, убитая из-за неожиданного нападения Викингарского клана на войска империи. Многие знатные семьи переговаривались между собой и удивлялись, почему аристократка такого ранга вообще пошла в бой, но род Сабель гордился тем, что был единственным из пяти семей, кто решил сражаться на передовой в войнах экспансии. Будучи смелой женщиной, леди Сабель предпочла сражаться до конца.

Ее смерть вырвала жизнь из Люциана с корнем. Его отец так и не простил себя за то, что он отсутствовал, когда его жена была повержена. Традиции дома Сабель предписывали облачаться в темно-серое в течение недели после похорон, но отец Люциана держал семью в трауре на протяжении полугода. Он запирался в своих покоях, не имея возможности даже поговорить с детьми. Люциан и Дайдо были предоставлены гувернантке, которая присматривала за ними. Они обезумели, сошли с ума от горя.

В конце концов отец Люциана отправил близнецов на Гибрианские острова, чтобы они провели время с семьей Орон. Люциан оставался в своей комнате в течение трех дней после прибытия, плача и отказываясь играть с детьми из дома Орон. И вот однажды утром к нему в комнату зашла девочка с растрепанными рыжими волосами. Люциан съезжился в центре своей кровати, прижав колени к груди. Он всхлипнул, наблюдая за этим странным существом.

– Привет! – Она подошла к нему. – Очень приятно с тобой познакомиться.

Люциан протянул ей руку. Она уместила свою ладонь целиком и потрясла ей настолько сильно, что чуть не выдернула его из постели.

– Хочешь посмотреть на приливные бассейны? Мой брат и твоя сестра не хотят идти.

Таким и было его знакомство с Эмилией Орон, девочкой, которую он будет видеть каждое лето в течение следующих шести лет. Она водила его изучать морскую жизнь в приливных бассейнах, ее щиколотки были покрыты зернистым песком, платье все больше промокало, и она хихикала от радости, делая наброски каждого существа и записывая научное название каждого вида. («Пурпурный стронгилоцентротус! Это фиолетовый морской еж. Я хочу найти красного. Какой твой любимый цвет?») Они плавали вместе, катались на лодках, ускользали по ночам из дома, чтобы рассказывать друг другу страшные истории под полной луной. Эмилия была необычной и жизнерадостной. Ее щеки были налиты румянцем, а глаза блестели.

Что случилось с этой девочкой?

Теперь ее спутанные рыжие волосы тяжело свисали на худое бледное лицо. Тьма окутала ее глаза, губы потрескались от укусов. Она держала руки плотно прижатыми к бокам, а плечи сгорбленными, как будто пыталась занять как можно меньше места.

– Ты нездорова? – сказал он, прежде чем смог остановиться.

Она опустила подбородок. Ее больше серые глаза смотрели на него снизу вверх.

– Довольно грубо так говорить кому-то, – пробормотала она.

Люциан почувствовал смущение и, как ни странно, облегчение. Она была готова отчитать его; очевидно, она не полностью изменилась.

Он рассмеялся, не подумав.

– С каких это пор ты ожидаешь от меня вежливости?

Легкая улыбка.

– И вправду.

Впрочем, она была права; он действительно *повел* себя грубо.

– Прости, Эми. Просто... Я не ожидал встретить тебя *здесь*. – Он положил руку ей на плечо, удивившись, когда она вздрогнула и отошла назад. И тут он все понял.

Они были здесь для одной цели: завоевать трон или быть отправленными на Отбор.

Только один сможет одержать победу. Дружелюбие ничего не изменит.

– Извинения приняты. – Ее голос звучал хрипло. – Раз уж мы заговорили об этом, что случилось с *тобой*? – Ее взгляд скользнул по его рукам, усеянным белыми шрамами. – Мои родители сказали, что вы с отцом отправились в поход на северный полуостров.

В его голове мелькали картины: хижины, охваченные пламенем, обвалившиеся крыши; два обгоревших тела, свернувшиеся у его ног, словно жуткая кавычка.

– Да, сказал он. – Но я оказался не таким идеальным солдатом, как он надеялся.

– Неужели? – она казалась искренне озадаченной. – Мы слушали, что вы с Тихеей расчистили баррикаду у Вартльского фьорда. Потрясающий ход.

Да. Тихея стреляла огнем, когда и куда он ей приказал, послушная, как и всегда. Но Люциан чувствовал, как дракон дрожит под ним. Он просидел с ней в гнезде всю ночь, уговаривая ее поесть, но она лишь вяло свернулась калачиком на земле, спрятав морду под крыло.

Эмилия продолжила:

– Твой отец написал мне о том, как за это ты удостоился похвалы императора...

Он больше не мог это выслушивать. Только не от нее. Ни от кого, но особенно от нее. Она была одним из немногих приятных воспоминаний его детства, и он не хотел омрачать это, слушая, как она, словно дрессированный попугай, трещит о том, какой он герой.

– О, я знаю, как убивать, – пробормотал он. – Я просто всегда забываю улыбнуться, когда делаю это.

– Мне жаль, – сказала Эмилия.

Стыд заставил ее покраснеть. Почему *она* должна сожалеть? Не она здесь являлась убийцей.

Эмилия откашлялась.

– Ну и что мы собираемся с этим делать?

Он моргнул.

– С этим?

Она нахмурилась.

– Не будь идиотом. – Люциан непроизвольно улыбнулся. *Идиот*. Большинство людей согласилось бы на менее прямолинейное слово вроде *глупый*, но такая вежливость не была характерна Эмилии. – Если ты здесь, значит, мой призыв не был случайностью. Складывается некая закономерность; вероятно, на этот раз призываются младшие дети из всех домов. В связи с этим возникает вопрос: почему? – Эмилия приложила один из своих пальцев к губам, что являлось верным признаком того, что она глубоко задумалась. – Что приводит меня к следующему вопросу: кто или что осуществляет призыв? Все говорят, что это сам Великий Дракон, но это больше смахивает на спиритическую чушь. Я полагаю, мы можем узнать об этом у жрецов. Ты еще не встречался с ними?

– Жрецы в храме, – сказал он. – Но, по-видимому, мы не увидим их до сегодняшнего приема.

Он не смог сдержать яда в голосе при слове «*прием*». Этот остров был прекрасен: с бирюзовым морем и ясным небом, спелыми фруктами и позолоченным храмом. Прием будет роскошным, достойным будущего правителя империи. Империи, которой было наплевать, сколько крови придется пролить, чтобы достичь своих целей.

Надо было позволить им отправить меня на Отбор, мрачно подумал Люциан.

– Мой отец слышал, что ты направляешься в Дельфос. – Эмилия, казалось, поняла ход его мыслей. – Ты собирался принять обет вместе с братством?

– Да. – Он скривил губы. – Но не сейчас.

– Мне жаль, – тихо произнесла она. Он снова взглянул на нее. Что бы ни случилось с ней за последние пять лет, а что-то определенно изменилось, это явно измотало ее. После своего первого похода в четырнадцать лет он забыл написать ей. Хотя нет, он предпочел не делать этого. Он в какой-то степени терпеть не мог ее невинность.

Что, если она нуждалась в его помощи, а его не оказалось рядом?

– Мне тоже жаль, что ты здесь, – сказал он. Он хотел прикоснуться к ней, но сдержался. – Если это решит ситуацию, я не стану сражаться. Приходить сюда было слабостью.

Глаза Эмилии расширились.

– Нет, ты должен хотя бы попытаться. Я не хочу, чтобы тебя отправили на Отбор. – Ее брови нахмурились. – Я не хочу, чтобы кого-либо из нас туда отправили, но, полагаю, ни у кого из нас нет выбора. – Она запустила руку в спутанную прядь волос. – Теперь для меня загадка, как Алекс не сошел с ума.

Люциан протянул ей руку. Она настороженно посмотрела на него.

– Я не причиню тебе вреда, Эмилия. Я могу это тебе гарантировать. – Он посмотрел на небо. Где вообще все остальные?

– Ну, хотя бы один дом не будет для нас сюрпризом, – сказала Эмилия. – Пентри. Антония ж их единственный ребенок. Она будет здесь.

Над головой раздался драконий крик. Они подняли глаза и увидели маленькое коричневое существо, несущееся к земле, визгливый женский голос сливался с криком зверя. Странная парочка приземлилась где-то на другой стороне острова. Эмилия и Люциан хмуро переглянулись.

– Чей это был дракон? – спросил он.

8 Веспир

– *Ошибка.* – Веспир произнесла эти слова одними губами, слезая со спины Карины. Положив голову на землю, ее дракон тяжело задышал. Веспир дотронулась до шеи бедняжки: чешуя чуть не обожгла ей руку. Переутомленный дракон скорее всего страдал от того, что держатели называют «пламенем»: огненная кислота в их желудке прожигает и разрывает дыру изнутри. Карина была слишком мала для таких длинных, непрерывных перелетов. Час назад Веспир была уверена, что они упадут в море.

– Тихо, девочка, все хорошо, – прошептала она. Карина закрыла глаза и застонала.

Молодой человек в коричневой тунике и сандалиях появился рядом с ними, его тень легла на Веспир.

– Вы приглашены к ожиданию, – сказал он. – Их Милости...

– Принесите ей ведро воды, только не слишком холодной. Ей нужно отдохнуть в тени. Где у вас гнездо? – произнесла Веспир, потирая шею Карины; к счастью, она чувствовала, как та остывает у нее под руками. Им не угрожала опасность. Возможно. Слава небесам, она никогда не летала на драконах в седле. Это могло бы привести к еще большему разрыву. – И еду тоже. Лучше всего ягненка. – Веспир наконец подняла взгляд. Юноша моргнул; очевидно, он не ожидал, что она будет такой разговорчивой. Как и у Веспир, у него была оливковая кожа, высокие скулы и узкие темные глаза. Возможно, он тоже был из восточной части Икраины. Возможно, он посочувствует ей.

Затем, протягивая руку, он издал низкий свист. Карина сразу же оживилась, встала и направилась к нему. Он коснулся ее морды, позволяя ей почувствовать его запах.

– Вы приглашены к ожиданию. – Он кивнул на небольшой склон. – Храм в той стороне. – Все строго по делу. Никакого сочувствия. Карина ткнулась своим носом в его руку – классическое игривое движение.

Мне кажется, я должна оставить ее с ним.

Все это было ошибкой.

– С кем я должна буду поговорить? – спросила она. На этот раз юноша ничего не сказал, просто повел Карину прочь по грязной тропе. Веспир выругалась себе под нос, взобралась на небольшой холм, на который ранее указал юноша, и оказалась перед чертовым дворцом. Белоснежный мрамор, золото, фонтан – от всего этого у нее перехватило дыхание.

Это место подходило Антонии. Оно было создано для такой девушки, как она. Веспир положила руку на живот, который теперь стал болезненно чувствительным в том месте, куда пнул ее лорд Пентри. Она должна вернуться к Антонии. Благородная девушка всегда была постоянным пунктом назначения Веспир, каким бы ни было ее путешествие.

– Это ошибка, – прошептала Веспир и направилась во дворец. Она была измождена; не имея веревки, чтобы привязать себя, ей пришлось бодрствовать всю ночь, чтобы не свалиться со спины Карины. – Мне нужно с кем-то поговорить.

– Эй! – молодой человек вышел на дорогу прямо перед ней возле прямоугольного бассейна. Он был одет в королевский синий. Веспир знала цвета других домов – этот был семьи соперника. Что же насчет дракона, он был *высоким*. Сложенным как бык. Веспир опустила

взгляд на землю и упала на колени. Послышались шаги, и рядом с юношей появилась девушка. Веспир уставилась на фиолетовый подол ее платья.

– Это одна из слуг Пентри, – сказала девушка, очевидно, узнав зеленую ливрею. Ее голос звучал озадаченно. Отлично, у нее и Веспир было что-то общее. Веспир прижала ладони и лоб к земле. – Где Антония?

– Простите меня, миледи. Я была призвана вместо нее. – Веспир сглотнула. Ее горло пересохло и ужасно болело. – Но это все ошибка.

– Сегодня было совершено много ошибок, – проворчал парень. Он подошел ближе. – Все в порядке. Давай я помогу тебе встать.

Веспир осмелилась поднять свой взгляд на них. Лицо девушки, та часть, которую можно было разглядеть за волосами, не выражало изумления. Юноша прищурился. Что Веспир себе позволяла, смотря в лица знати? Она вздрогнула и, встав на ноги, склонила голову.

– Если бы я могла встретиться с кем-то... Мне нужно поговорить... Это неправильно. – Кое-как объяснившись, Веспир пробормотала извинения, а затем кинулась прочь вдоль бассейна к бронзовой двери. Ее бедра ныли, но она не обращала внимания на боль. Даже когда мир угрожал рассыпаться на части, она заставляла себя двигаться вперед.

Все, что ей нужно сделать, – это появиться с драконьим пометом на одежде и грязью, запекшейся на ее дешевых кожаных ботинках, и жрецы или кто-то еще поймут, что была совершена ошибка. Они отправят ее домой.

У тебя больше нет дома. Веспир чуть не затормозила. Пентри убьют ее, стоит ей показаться еще раз, а родителей с братьями и сестрами она не видела вот уже пять лет. Насколько ей было известно, они были мертвы.

Не сейчас. Внутри храма было прохладно. Полы были выложены кремовым мрамором с золотыми прожилками, настолько отполированным, что Веспир обнаружила перевернутую версию себя, смотрящую назад, как будто ее душа была поймана в ловушку в мире под ее ногами. Ее колени заныли при одной мысли о том, сколько часов работы понадобилось, чтобы добиться такого блеска.

Веспир прошла по всему зданию, пока не наткнулась на пару больших деревянных дверей. Двое ребяташек в коричневых мантиях, похоже, все они были здесь детьми, ждали с обеих сторон. Веспир потянулась, чтобы открыть дверь, но они молча преградили ей путь.

– Мне нужно кое с кем поговорить, – голос Веспир сорвался.

– Их Светлости встретятся с вами в свое время, – сказала девушка, стоявшая слева. Ее голос звучал отстраненно и даже немного скучающе.

– Их Светлости? Кто это? – Веспир было плевать, что ее голос стал громче. Эти дети в коричневых одеждах, должно быть, такие же слуги, как и она. Ничего страшного, если она покричит.

– Верховный жрец и жрица. – Девушка презрительно скривила губы. – Но вы наверняка знали об *этом*?

Веспир слышала этот тон в голосах знати миллион раз. Изумление перед невежеством крестьян, насмешка над их серьезностью, раздражение от незнания чего-то столь очевидного.

Но она не позволит этим... кем бы они ни были... обращаться с собой, как с мусором. Что-то щелкнуло в ее сознании. Веспир рванулась вперед, толкая двери.

– Стой! – девушка закричала, пытаясь оттолкнуть Веспир. Веспир колотила руками по дереву, крича любому, кто мог ее услышать.

– Мне нужно с кем-то поговорить! Пожалуйста! Произошла ошибка! – выкрикнула она. А затем она не могла пошевелиться.

Она не могла даже моргнуть. Ни звука не сорвалось с ее застывших губ. Ее кулаки остались поднятыми над головой; она не могла опустить их. Она все еще могла думать и дышать, но в остальном оказалась в ловушке. Пленница в собственном теле.

Что со мной происходит?

– Ты ее поймала? – спросил мальчик в коричневой мантии слева от Веспир. Девушка фыркнула.

– Я никогда раньше не использовала магию стазиса на людях. Интересно, надеюсь, Их Светлости квалифицируют меня. – Дети усмехнулись, и Веспир все поняла.

Даже простой человек был знаком с тремя ветвями упорядоченного магического искусства: стазис, связывание и конструирование. Человек либо рождается со способностью стать магосом упорядоченных искусств, либо нет. Независимо от положения любой ребенок, проявивший талант к упорядоченной магии, становился послушником и готовился к священничеству. Не существовало более высокой чести.

Так. Получается эти двое готовились к тому, чтобы стать магосами. Магическими жрецами самого Дракона.

Что же сейчас случится с Веспир? Неужели ее вышвырнут с Испытания за плохое отношение? Поклясться небесами, она могла только надеяться.

Прежде чем ее захватчики успели что-то сказать или сделать, деревянные двери со скрипом распахнулись.

Веспир беспомощно застыла, когда перед ней появились мужчина и женщина, облеченные в атласно-оранжевые одежды жрецов.

– Отпустите ее, – сказала женщина стальным голосом.

Руки Веспир упали по бокам. Споткнувшись о порог, она вошла в комнату.

Стены были окрашены в темно-оранжевый цвет заката. Золотые колонны поддерживали крышу. Пол был выложен красочной мозаикой, на которой были изображены пять разных драконов, чьи объединенные языки пламени образовывали солнце. Шелковые кресла стояли вокруг низкого стола из темного блестящего дерева.

Веспир упала на колени и уставилась на украшенные вышивкой туфли жрецов. Она не могла поднять взгляд. Не из-за стазиса или чего-то еще. Просто ее слишком хорошо натренировали.

– Теперь, – сказала женщина. – Кто ты такая?

– Я никто, – ответила Веспир. Она облизнула губы. – То есть я держательница драконов у семьи Пентри. Но я никто.

– Почему же ты здесь, Никто? – женщина подошла ближе. Веспир уловила легкий аромат амбры и розы; должно быть, это был лосьон. – Где наследница Пентри?

Наконец-то кто-то понял, как это все странно. Веспир задрожала.

– Ошибка. Мой дракон был призван вместо нее.

Тишина. Затем заговорил мужчина, его голос был высоким и резким,

– Здесь нет никакой ошибки.

В полном замешательстве Веспир подняла голову. Мельком она взглянула на лица жрецов. У женщины были блестящие черные глаза, острый, как у лисы, нос и длинные, до плеч, волосы стального цвета. У мужчины был высокий лоб, глубоко посаженные глаза, тонкая челюсть и заключенный в грубые линии рот.

Они выглядели старыми и настороженными. *Они не боги*, подумала Веспир.

Безумие. Она снова склонила голову.

– Петро имел в виду, что мы не призывали тебя. – Женщина фыркнула. – И что созыв никогда не ошибается.

Веспир сглотнула.

– Миледи, может, в этот раз что-то пошло не так?

– Ваша Светлость, – поправила ее жрица. Ее голос был холоден.

Позади нее послышались шаги. Веспир догадалась, что это те двое, которых она встретила снаружи. У жрицы перехватило дыхание.

– О. Вот это действительно странно, – пробормотала она будто бы про себя. Значит, жрецы тоже не ожидали увидеть этих двоих.

– Мы согласны, – сказал юноша.

– Доблестная жрица, пожалуйста. – Веспир задрожала; пол оказался холоднее, чем она ожидала. – Позвольте мне уйти.

– Не могу. Мне жаль. – В ее голосе не было ни капли сожаления. – Петро прав. Ошибки быть не может.

– Но вы сказали, что это странно, – подала голос другая девушка, та, что в фиолетовом платье.

– Это было личное мнение, – жрица щелкнула языком. – Великий Дракон в большинстве случаев... идет по загадочному пути.

– Существо, которое уже тысячу лет как мертво, отбирает имперских кандидатов? – Девушка казалась озадаченной.

– Милое дитя, логика – главный враг веры, – сказала жрица.

– Как хранители Его священного храма мы просто выполняем то, что требует Он.

Веспир была не из тех девушек, которые спорят о логике или вере. Она просто хотела убраться отсюда.

– Я уйду, если вы не против. – Она поднялась, скрипя сапогами по полу.

– Я не советовала бы этого делать, – хмыкнула жрица. – Только если вы не хотите быть отправленной на Отбор.

Веспир моргнула.

– Отбор?

Парень вместе с девушкой издали возглас, полный удивления и... жалости?

– О. – Жрица вздохнула. – Ну, раньше мне не приходилось это объяснять. Она подошла ближе к Веспир, которая не сводила глаз с атласного подола ее рясы. – Отбор отсылает нас к самому зарождению империи. Испытание было создано для того, чтобы беспристрастно выбрать нового правителя из пяти домов. Однако некоторые проигравшие могли... затаить злобу. Поэтому был создан Отбор, чтобы держать неудачливых конкурсантов и их семьи покладистыми.

Веспир сглотнула, чувствуя желчь в горле.

– Дайте угадаю. Проигравших казнят, – прохрипела она.

– Проницательно. – Голос женщины звучал покровительственно. – Да, и так, как выберет победитель. – Она криво усмехнулась. – Это одна из тех причин, по которой стоит ладить со всеми своими соперниками; никогда не знаешь, кто велит ввести тебе безболезненный яд, а кто прикажет четвертовать тебя.

Веспир не находила это смешным.

– Но Отбор идет еще дальше, – продолжила жрица.

– Каким образом? – пробормотала Веспир.

– Драконы проигравших уничтожаются, – протянул Петро. Веспир резко вскинула голову. У нее отвисла челюсть. Пятна плясали перед ее глазами.

Драконы. Уничтожались. *Карина*.

– *Что?* – Комната будто наклонилась.

– Дракон представляет собой душу наездника. Видите ли, и душа, и тело должны умереть.

– Вы убьете моего дракона? – Веспир обессиленно покачнулась. Ночная поездка, отсутствие еды, это безумие... она не могла больше терпеть.

– Драконы, убитые на Отборе, священны на небесах, – продолжал Петро, словно читая строки из скучной книги. – Великий Дракон считает их святыми великомучениками.

Будучи в услужении, Веспир всегда знала, что может умереть по прихоти знати. Она жила, потому что ей позволяли, как и всем другим слугам. Но Карина... дракон... это прекрасное, идеальное создание... Веспир встретила взглядом со жрецом.

– Вы не можете этого сделать! – Ее крик отозвался эхом.

– Большое спасибо, но мы *можем*.

– Но. – Что она могла сказать в противовес этому? С того самого момента, как Карина вылупилась из яйца и подползла к ней, хныкая и толкая ее в колено, Веспир поняла, каково это быть целой. – Но Карина – это мое сердце, – прошептала она.

Жрецы смотрели на нее со спокойной отстраненностью.

В конце концов, кому было дело до сердца слуги?

* * *

Когда она проснулась, было уже темно. Веспир сглотнула и села, погрузившись в самый мягкий матрас, который она когда-либо чувствовала. Она моргнула, оглядываясь по сторонам. Золотая лампа покачивалась под потолком, свет искривлялся и мерцал над роскошной кроватью Веспир. Одеяло было соткано из тонкого зеленого шелка, подушки украшены золотыми кисточками.

Она смутно помнила, как ее доставили сюда, беспомощную. В тот момент, когда голова Веспир коснулась подушки, она была мертва для всего мира. Она закашлялась: во рту пересохло.

Веспир находилась в ротонде, колонны которой поддерживали круглую бронзовую крышу. Ее спальня была открыта на ночь со всех сторон. Белые прозрачные занавески, близкие к стенам, колыхались на ветру. Рядом бушевал океан.

Кто-то снял с нее ботинки, но она все еще была одета в свою рабочую одежду. Грубая зеленая рубашка терлась о ее шею. Она закрыла глаза, в голове стучало.

Что же мне теперь делать?

– Эй. – Слева от нее раздался незнакомый голос, заставляя ее вздрогнуть.

Веспир заметила, что за ней наблюдает невысокий блондин. Его глаза блестели в свете лампы, а улыбка была неровной. Он утопал в красном сюртуке, который был слишком велик для него, рукава были закатаны несколько раз.

– Похоже, я здесь не единственный бастард, – сказал он.

9

Аякс

Аякс не понимал, почему все выглядели такими подавленными. Может быть, их жизнь дома была настолько прекрасна, что это было шагом вниз, но для него это было величайшей возможностью. Конечно, одежда, которую они положили ему на кровать, была немного великовата. Жрица Камилла объяснила, что все было сшито для ожидаемых участников. Без разницы. Аякс не смог надеть штаны, а вот пиджак смотрелся вполне неплохо. Немного великоват, но это неважно. Он уже давно не надевал красных мантий семьи Тибр и с лихвой компенсировал это.

И тут еще один бастард. Она не могла быть кем-то другим.

Но все равно сердито смотрела на него.

– Я не бастард. Я слуга, – натянуто произнесла она.

Аякс фыркнул.

– О, прошу меня извинить. Я и не подозревал, что вы такая важная фигура. – Он скрестил руки на груди, когда девушка присела. Черт, она выглядела выше его. Он сравнивал свой рост с другими. – Прием вот-вот начнется. Скоро должен прибыть пятый участник.

– Так поздно? – Девушка потеряла шею.

– Да, жрица сказала, что была какая-то задержка или что-то в этом роде. Кто знает. – Он ждал. – Так ты идешь или нет?

– Ты всегда такой вежливый? – ее щеки вспыхнули, и она уставилась в пол. – Простите. Милорд.

О, Аякс мог бы к этому привыкнуть.

– Тебе не нужно использовать мой официальный титул. Простого Аякс будет достаточно.

Он забыл добавить, что у него на самом деле нет никакого титула, но это придавало ему великодушный вид. Настоящий человек из народа.

– Веспир. Я, э-э, присоединюсь к тебе, – пробормотала она и уселась обратно на кровать. Он пожал плечами и зашагал прочь, оставив ротонду мерцать в темноте, словно фонарь. Вдалеке вспыхнула вереница факелов, указывая путь дракону последнего наследника. Аякс смотрел на небо, прислушиваясь к успокаивающему шуму волн.

Пока что он оценил всех своих соперников. Он мог справиться с ними со всеми. Служанка выглядела нездоровой, так что один удар по ней уже был нанесен. Другая девушка, Эмилия, казалась немного странной. Он не знал, как это объяснить, кроме того, что у нее было что-то с волосами и она ни к кому не прикасалась, даже для рукопожатия. И Люциан, ну, он не был проблемой. Такие большие парни часто оказываются тупыми.

Таким образом, оставался всего один загадочный соперник, отделявший Аякса от драконьего трона.

Он вытянул шею, услышав в темноте взмах кожистых крыльев. Массивная фигура устремилась вниз, разжигая пламя факелов и полностью погасив некоторые из них. Земля содрогнулась от рыка, когда дракон убрал свои крылья, его чешуя сверкала в свете оставшихся факелов. Аякс подбежал и увидел прыгающую девушку. Она отошла от своего дракона даже не оглянувшись, когда послушники побежали, чтобы позаботиться о нем. Ее платье сияло в ночи.

Славно. Замысловатая девушка. Это будет весело.

– Эй. – Аякс подбежал к ней. Она остановилась и посмотрела на него сверху вниз. О, черт. Она была почти такой же высокой, как и этот большой, глупый парень. Он мало что мог сказать о ней, кроме того, что она сверкала, и у него сложилось впечатление, что она вот-вот пройдет мимо, если он быстро не станет для нее интересным.

– Аякс. Из рода Тибр. – Он выпятил грудь. – Рад, что ты наконец добралась.

– Ммм. – Она произнесла это так, словно потешалась над ним, и продолжила идти. Поправляя воротник, он зашагал за ней. Он не хотел бежать, но ее ноги были *длиннее*.

– Ты наследница Вольска?

– Да.

– Прием проходит здесь, – сказал юноша, стараясь делать вид, что это он ведет ее, а не наоборот. Он пригладил волосы. – Ты, э-э, хочешь сначала переодеться? – Она выглядела потрясающе, но вместе с тем немного потрепанной. На ее щеке засохла грязь.

– Мы и так потеряли достаточно времени.

– Это точно. Что случилось? Твой дракон проспал созыв? – Он засмеялся.

Она – нет.

Вместо этого девушка наконец столкнулась с ним лицом к лицу и посмотрела на него, как на какое-нибудь насекомое. Аякс моргнул. Она была самой красивой женщиной, которую он когда-либо видел. Она была великолепна, в золоте с головы до ног... и вся в засохшей крови. Кровь была разбрызгана по ее лбу. На щеке у нее красовалось ржаво-коричневое пятно.

– На тебе осталос немного крови, – глупо сказал он.

– Да. – Ее глаза заблестели. – Она не моя. Девушка ушла, оставив за собой тонкий аромат сирени. Он двинулся за ней, улыбка растянулась на его лице.

О да. *Это* был его единственный настоящий вызов.

10 Эмилия

У Эмилии были свои хитрости для того, чтобы держать разрушение на расстоянии. Ощущение медленного трения большого и указательного пальцев успокоило ее. Ее плечи были так напряжены, что мышцы горели. Но в первую очередь она должна избегать физического контакта. К сожалению, все это выглядит странно, особенно если ты ужинаешь с группой людей. К счастью, всеобщее внимание похитили шок и усталость. Она должна сделать что-то по-настоящему безумное, чтобы сегодня ее заметили.

Однако она сомневалась, что ей будет везти до конца Испытания.

Но из всех ночей ей нужно было сдержать хаос именно сегодня. Первое впечатление очень важно, и это являлось отличной возможностью изучить своих соперников.

Эти четыре лица за столом – одни пустые от страха, другие стоические, третьи даже немного улыбающиеся – были всем, что ее волновало и лишало аппетита. Жаль, потому что еда выглядела божественно. Жареный павлин на ложе из свежих трав занимал центр стола. Устрицы блестели на льду, сопровождаемые блестящими дольками лимона. Сдобренный медом бисквитный хлеб, сливочный йогурт с козьим сыром и пряностями, рыбный суп с карри, медальоны из баранины с крупной солью и розмарином, горки оливок и, конечно же, пышные гроздья инжира и винограда довершали ужин.

В течение пяти лет она ела жареные корнеплоды, черный хлеб и рыбу. Пресная еда для пресной жизни. Столько красок и гула, столько запахов, столько всего нового...

Это угнетало.

Участники сидели на шелковых стульях вдоль стола, а Петро и Камилла заняли оба его конца. Когда все расселись, Камилла встала и подняла украшенный драгоценными камнями кубок, наполненный вином.

– Немногим верховным жрецам посчастливилось стать свидетелями двух Императорских Испытаний подряд. – Она резко улыбнулась. – Мы с Петро были немногим старше вас, когда короновали императора Эразмуса. Мы оба взволнованы и хотим стать вам наставниками, когда вы возложите на себя самый важный обычай за всю многовековую и блистательную историю Этруссии.

Петро тем временем наблюдал за происходящим пустым взглядом.

Жрецы – вот кому поистине принадлежит власть. Не требовалось быть гением, чтобы это понять, но Эмилия аккуратно спрятала это в своих чертогах разума, где оно и останется, пока не понадобится ей. Из времени, проведенного за изучением Испытания, она знала, что верховный жрец и жрица всегда следят за всем происходящим. Почему всегда мужчина и женщина? Как такие элитные жрецы отбирались на свои должности? Эмилия жаждала ответов, но сейчас было неподходящее время.

– Четыре великих вызова составляют Испытание. Несомненно, вы все выросли, слыша о них. – Камилла улыбнулась. – Охота. Игра. Гонка. Правда.

Эмилия подумала о своей сумке, лежащей в ротонде, о тайнах внутри нее, которые ожидали ее изучающего взгляда.

– Смею напомнить вам, что каждый император, который когда-либо был коронован, становился первым хотя бы в одном вызове. Отнеситесь к ним со всей серьезностью. Но вы также

должны помнить, что Великий Дракон оценивает и более незначительные вещи. То, как вы относитесь друг к другу, и то, как ведете себя во время Испытания, – все это имеет значение.

– А люди могут умереть во время Испытания? – спросил, жуя, белокурый Аякс.

– О, ну разумеется, – легко произнесла Камилла. – Это довольно обычное явление, но нехарактерное. Тридцать процентов случаев? – Она повернулась к Петро, который пожал плечами. – Сорок? Это все же вызовы, достойные дракона-императора. Бывают несчастные случаи. Прежде чем я забуду, я должна напомнить вам, что убийство друг друга хотя и не запрещено прямо, ведет к наказанию. Я бы не советовала прибегать к этому.

Веспир издала страдальческий звук и опустила голову на колени.

– А теперь мы покинем вас, чтобы дать вам возможность познакомиться поближе. – Камилла жестом велела Петро встать. *Отлично.* Эмилия боялась, что они будут сидеть с ними всю ночь. – Мы знаем, что пять семей не поощряют большого количества взаимодействий между своими детьми. – Это было правдой. Эмилия и Люциан быстро переглянулись. Их дружба была редкостью. Ведь зачем дружить с кем-то, чей ребенок в один прекрасный день может оказаться лучше твоего во время Великого Испытания? – Но вы все равно должны поддерживать друг друга. В конце концов, за этим столом сидит следующий император или императрица.

Никто не промолвил и слова. Если не брать в счет затрудненное дыхание Веспир и шум океана, вокруг царила мертвая тишина. Камилла направилась к двери. Петро вытер рот салфеткой, встал из-за стола и двинулся за ней, словно крадущаяся тень.

Как только они вышли, деревянные двери захлопнулись. Гиперия немедленно встала и заняла место Камиллы во главе стола.

Аякс бросил взгляд на двери.

– Можно подумать, мы им интересны.

– Скорее всего за нами сейчас наблюдают, – пробормотала Эмилия. Все посмотрели на нее, и она сжалась под их пристальным взглядом. – Испытание уже началось.

Люциан хмыкнул в знак согласия и отвел взгляд. Выглядывая из-за прядей волос, Эмилия изучала соперников.

Люциан оперся локтем на спинку стула. Густые черные волосы тяжело падали на глаза. Она не задумывалась о том, насколько по-другому он выглядел без своей косы. Люциан достал кинжал и одним сочным ударом пронзил яблоко, начал отрезать кусочки, чтобы съесть их.

– Может, тебе нужна вилка? – спросила Эмилия. Он покачал головой, не глядя на нее.

– В походах от них мало толку. – Он пожал плечами. В его голосе звучала горечь – явный признак того, что нечто более мрачное и злое осталось невысказанным.

Аякс искоса взглянул на Люциана.

– Впечатляющие навыки владения ножом, – сказал Тибр. Он выхватил кинжал из-за пояса и одним движением запястья отправил его в полет, так быстро, что она едва ли успела его поймать. Он приземлился в ногу павлина, ручка задрожала. Идеальный бросок. Аякс взял свой кинжал и павлинью ногу. Отправив ее себе в рот, он пошевелил бровями. – Еще лучше, – сказал он с усмешкой.

Люциан тяжело вздохнул.

– Вы с моей сестрой подружились бы.

Он хочет, чтобы Люциан обратил на него внимание. Эмилия отставила все эти незначительные детали в сторону. Где-то в глубине души ее беспокоило, что она смотрит на этих людей, как на подопытных животных, которых нужно было изучить. Разве она не должна... чувствовать... больше, чем сейчас?

Сейчас нет времени для чувств. Она прищурилась. *Они все твои враги.*

Весь мир – твой враг. Пять лет жестокой изоляции выжгли этот урок клеймом на душе.

– Эй, не хочешь мяса? – Аякс изучал яблоко Люциана. – Наверняка у тебя есть одна-две мышцы, которые неразвиты.

– Я не ем мясо, – пробормотал Люциан.

– Из-за Священных Братьев? – Эмилия думала, прозвучало ли это так непринужденно, как ей хотелось бы. Разговоры явно не были ее сильной стороной.

Люциан нахмурился.

– Нет. Я не выношу запаха жареной плоти.

– Знаете, – произнес Аякс, прожевав мясо, – у вас у всех такие лица, словно кто-то помогился в ваше вино.

– Вероятность того, что мы умрем во время этого состязания, составляет от тридцати до сорока процентов, а в конце – восемьдесят три процента, – категорично отметила Эмилия. Справа от нее Веспир заерзала на стуле, держась за живот.

– Мне... мне кажется, что суп испорчен, – пробормотала она. Ее глаза остекленели, а на лбу выступили капельки пота. Она не выдержит такого давления.

Люциан наполнил стакан водой и протянул его девушке.

– Пей, – сказал он, смягчая тон.

– Благодарю вас, милорд. – Веспир взяла стакан, но едва поднесла его к губам.

Она этого не хотела. Она восприняла это как приказ, подумала Эмилия. Слабое место. Легко использовать.

Эмилия покачала головой. Ей не понравились эти мысли.

Но если она хочет выжить...

Было ли с ее стороны уместно стремление жить? Можно ли оправдать эгоистичные намерения?

Разве такое поведение не обязательно для императрицы?

– Тебе не нужно называть меня «милорд». Правда, – сказал Люциан.

– Да, ми... хорошо. – Веспир отпила воды.

Люциан бросил сердцевину яблока на тарелку, слизывая сок с большого пальца.

– Итак. Что, черт возьми, мы все здесь делаем?

– Я думаю, правильнее будет спросить, что вы все здесь делаете? – сказала Гиперия. Слотнув, Эмилия перевела взгляд во главу стола. Девушка из семьи Вольска оглядела их всех, сложив руки на коленях, размазанное багровое пятно крови на ее лице напоминало поцелуй.

Теперь ее нельзя было игнорировать. Она была Солнцем, а они – нервными планетами на ее орбите. На мгновение хаос в душе Эмилии утих. Было что-то удивительно *упорядоченное* в Гиперии Вольска.

– На самом деле нас выбрали первыми. – Люциан выдержал пристальный взгляд девушки, его медные глаза сверкали вызовом. – Думаю, есть причина, по которой Джулия сейчас не сидит здесь с нами. – Он жестом указал на Гиперию. – Правда написана на твоём платье.

Гиперия даже не вздрогнула.

– Ее призвание было ошибкой, которую я исправила.

Белый свет пульсировал в глазах Эмилии. Она крепко зажмурилась и вцепилась в юбку. *Неустрашимость. Абсолютная уверенность.*

Каково это – быть такой ужасной и спокойной?

– Прямо как настоящая императрица. – Люциан стиснул зубы.

– Насколько я понимаю, созыв был первым вызовом, – ответила Гиперия. Дракон хотел знать, кто из нас будет сражаться за свое законное место. – Она выгнула свою идеальную бровь. – Я единственная, кто справился с этим.

– Ты также можешь справиться со всеми остальными вызовами. – Люциан откинулся на спинку стула. – Я не хочу иметь с этим всем ничего общего.

– Ну, давай же. – Аякс наполнил свою тарелку второй порцией павлина. – Ты должен постараться и сделать это интересным для меня.

– Тебя? – Эмилия произнесла это вместе с Гиперией и Люцианом. Веспир продолжала смотреть в пол. Аякс вцепился зубами в поджаренную птичью ногу, ухмыляясь.

– Я тоже люблю цифры. Ты. – Он указал на Эмилию. – У тебя ведь один брат, так? Значит, ты имела пятидесятипроцентный шанс быть призванной. Не особо впечатляюще. То же самое касается и тебя, ведь так, Луки? – Аякс подмигнул Гиперии. – И тебя. – Затем он обратился к Веспир – Разве Антония не единственный ребенок Пентри? Черт, некоторые люди *могут* испортить даже то, в чем все уверены. Тогда что же насчет меня? – Он ударил себя кулаком в грудь. – У меня был один шанс из двадцати девяти, а это всего лишь три процента, и взгляните. – Он взмахнул руками.

Гиперия издала звук отвращения.

– Поверить не могу, что бастард был допущен до Испытания.

– Могло быть и хуже. – Он послал ей воздушный поцелуй. – Я мог бы оказаться убийцей.

Гиперия сидела неподвижно, словно статуя. Эмилия прикусила внутреннюю сторону щеки. Этот парень из рода Тибр был либо храбрецом, либо идиотом. Вероятно, последнее. Идиотизмом определенно можно будет воспользоваться.

– Ты здесь не единственный убийца, – сказал Люциан.

Эмилия вздрогнула. Непрошенные воспоминания о Хью, помощнике повара, красивом мальчике с ямочками на щеках и рыжеватыми волосами, нахлынули на нее. В тринадцать лет она один раз встала на цыпочки, чтобы поцеловать его, это была всего лишь минута дерзновенья, украденная за драконьим гнездом. Сначала сладкое прикосновение губ, а затем горячий, соленый прилив крови, когда она залила ее рот, вытекая из уголков глаз Хью, а потом потекла из носа, когда его легкие и сердце взорвались.

Несчастный случай, да. Но все равно убийство.

Она уставилась на Люциана: хаос, словно муравьи, ползал под ее кожей. Но он смотрел не на нее, а на Гиперию.

– Я участвовал в походе, – продолжил он. – Ты не единственная детоубийца здесь.

Губы Гиперии сжались. Ее и без того светлая кожа еще больше побледнела.

– Если ты сожалеешь об их смерти, то сожалеешь и о своих поступках. В твоем случае ты сожалеешь о действиях империи. Хуже убийства может быть только убийство без чувства чести. Так ты проявляешь неуважение к мертвым.

– Я бы предпочел, чтобы мои жертвы были живы. Если это означает, что у меня нет чести, так тому и быть.

– И это наш великий герой северной экспансии? – У Гиперии был такой вид, словно она учуяла что-то мерзкое. – Похоже, истинного благородства больше не осталось.

Эмилия и представить себе не могла, что такие, как Гиперия, могли существовать вне эпической поэзии. Морская богиня, решившая разбить корабли тысяч людей и нанизать их сердца на проволоку, чтобы носить на шее, или же суровый король, пославший легионы солдат на смерть во славу завоевания, – вот кто был настоящей ровней Гиперии, а не люди за этим столом.

Эмилия ослабила защиту на своем хаосе... и стол слегка задрожал, ровно настолько, чтобы загремели тарелки. Она затаила дыхание, когда все вздрогнули, и остановилась, а затем отпустила его. В конце концов, землетрясения случались. Но больше ей так не повезет.

– Следующий вопрос. – Аякс указал на Веспир. – Как ты здесь оказалась?

– Поверьте, я и сама задаюсь этим вопросом. Милорд. – Девушка добавила часть про «милорда» немного с запозданием. На шее слуги пульсировала жилка. Она выглядела так, словно ей сейчас станет плохо либо она начнет кричать.

– Может, ты тайный бастард. – Аякс повертел в руках кинжал. – Может, лорд Пентри приходил к твоей матери какое-то время...

Впервые Веспир взглянула на кого-то с уверенностью.

– Я. Не. Пентри, – сказала она.

– Ты не можешь знать наверняка. – Люциан пожал плечами, его голос звучал сочувственно. – Если бы на самом деле ты была из благородных кровей, то это объяснило бы, почему тебя призвали.

– Нет. Я не связана с ними. – Голос Веспир сорвался. Эмилия прикусила губу; это не было обычным волнением. Под поверхностью скрывалось что-то еще. Что-то, о чем Веспир было даже больно подумать...

Ох. Ох.

– Давайте поговорим о чем-нибудь другом, – быстро сказала она.

Но Аякс решил побыть абсолютным дерьмом.

– В чем проблема? Дело же не в том, что ты... – Аякс зажал рот рукой. – О, черт. Ты тайком спала с кем-то из них? Со стариком Пентри? Это мерзко. – Он содрогнулся, наслаждаясь нанесенным ударом.

– Я же сказала, прекрати. – Эмилия скрестила пальцы на ногах, чтобы предотвратить взрыв одного из бокалов. Гиперия опустила голову на руки, она выглядела уставшей. Веспир нахмурилась.

– Нет, не с *ним*, – отрезала она. Эмилия закрыла глаза. Черт. Глупая теория Аякса теперь была практически подтверждена. Веспир, похоже, тоже это поняла. – Я-я имею в виду, – пробормотала она.

– Ну, если не с ним, тогда... – Аякс хлопнул в ладоши и подпрыгнул на месте. – С дочерью! У кого есть деньги на дочь? Во-первых, у кого вообще есть деньги?

Веспир уперлась локтями в колени и обхватила голову руками. Эмилия впиалась взглядом в Аякса – это лучшее, что она могла сделать с магией, сочившейся изнутри.

Даже Люциан, казалось, был сыт по горло.

– Оставь ее в покое.

Аякс похлопал Люциана по щеке, явно приглашая старшего нанести удар.

Он хочет проверить, как далеко он может зайти с Люцианом, подумала Эмилия. Она поняла, что игра Аякса может быть похожа на ее: оценивай своих противников и находи их слабости.

Аякс поднял брови.

– Черт. У тебя такая густая щетина. Спорим, ты сможешь отрастить бороду за пять дней? Наверное, ты начал бриться, когда тебе было десять.

Люциан не выглядел особо радостным.

– Пожалуйста, перестаньте ругаться, – пробормотала Веспир. Она начала издавать еще больше страдальческих звуков.

– Я не могу в это поверить. – Гиперия говорила медленно, словно старалась тщательно подобрать слова. – Я пошла на крайнюю жертву, чтобы в итоге оказаться здесь с вами четверьмя. – Гиперия одарила каждого из них пристальным взглядом. – Что ж, я благодарю Великого Дракона за свою силу. Если бы меня здесь не было, один из вас был бы коронован.

– Не торопись пока с украшениями для тронного зала. – Аякс ухмыльнулся. – У нас еще есть несколько дней, чтобы насладиться обществом друг друга.

– Бастард, – сказала Гиперия. Ее глаза метнулись к Веспир. – Служанка, занявшая место выше своего положения. – Губы девушки сжались в гримасе отвращения. Затем ее взгляд остановился на Эмилии. – Серая мышка.

Как ни странно, Эмилия почувствовала себя уязвленной. Ради всего святого, было бы *лучше*, чтобы Гиперия не замечала ее. Лучше бы она списала Эмилию со счетов. Гордыня, высокомерие явно были недостатками Гиперии, но...

Где-то внутри себя Эмилия жаждала ее одобрения.

Сейчас Гиперия была сосредоточена на Люциане. Она подавленно вздохнула.

– И герой Вартльского фьорда, который на самом деле всего лишь жалкий трус. Империя рухнет под любым из вас. – Она закрыла глаза. – Но я понимаю, что вы не виноваты в своем призыве.

– Спасибо за вашу доброту, – пробормотала Эмилия. Взгляд Гиперии остановился на ней. Между лопатками Эмилии начало зудеть, но с нее было достаточно. – Я просто думаю, что любой, кто способен на убийство своей родной сестры, не будет моим первым выбором на роль правителя империи. – Эмилия с трудом подняла голову. На мгновение воздух между ней и Гиперией наэлектризовался. Девушка, одновременно в золоте и в крови, слегка кивнула. Она казалась довольной.

– В нашей семье рассказывают легенду о величайшем полководце, Авфидии. Первом драконьем наезднике. – Она опустила подбородок в знак уважения. – Полторы тысячи лет назад, когда драконы и магия были еще новыми вещами в мире, силы забытой цивилизации хотели захватить Вольские земли. Авфидий был великим воином, но у врага был полководец, равный ему по силе и жестокости. Кай Мартиус.

– До тех пор пока Мартиус не был изгнан своим собственным народом, коварными политиками, которые ненавидели его силу. Поэтому Мартиус предложил свою помощь Авфидию, пообещав помочь Вольска уничтожить их врага, народ, который Мартиус когда-то называл своим. Авфидий согласился и полюбил своего нового союзника, как собственного брата.

– Но Мартиус предал Авфидия. Когда пришло время покорять свой прежний народ, его воля оказалась слишком слабой, чтобы убить своих старых друзей и семью. В нем было слишком много хаоса. – При слове «*хаос*» сердце Эмилии ушло в пятки. – И Авфидий, – сказала Гиперия, – величайший из наших людей, никогда не знавший сомнений и слабостей, взял меч и вырезал сердце Мартиуса. Авфидий любил своего друга, но не любил слабость. Он очистил Мартиуса от нее, как удаляют раковую опухоль. – Голубые глаза девушки блеснули в свете свечей. Авфидий призвал своего дракона и сжег врага дотла. Он не показывал страха. Он не проявлял милосердия. Вот почему члены семьи Вольска имеют право гордиться собой. *Мы* причина, по которой эта великая драконья империя существует и по сей день. И у нас есть только одно правило: когда сталкиваешься со слабостью, вырежь ее сердце.

Она взяла бокал Камиллы, это была первая еда или напиток, к которым она прикоснулась сегодня. Сделав глоток вина, она улыбнулась.

– Итак, если я сейчас столкнусь со слабостью, что я сделаю?

Люциан с ужасом смотрел на Гиперию; рот Аякса открылся, демонстрируя пережеванные остатки инжира; Веспир упала со стула на колени, и ее вырвало прямо на кафельный пол.

Пока Эмилия смачивала тряпкой запястья и лоб служанки, она поняла, что эта девушка из Вольска – эта богиня, эта будущая императрица – презирает хаос до глубины души.

Эмилия много о чем мечтала в те одинокие годы, проведенные взаперти в фамильной башне. Она мечтала о дружбе. О любви. И когда надежда на них угасла, она стала молиться о кое-чем другом.

О сопернике.

И разве ее желание не было исполнено?

Она посмотрела на Гиперию Вольска, самое прекрасное и ужасное создание, какое только можно было себе представить.

Девушка, которая ненавидела Эмилию, даже не осознавая этого.

Эмилия спрятала улыбку.

11 Гиперия

Слабость – это опухоль, которую нужно вырезать. Гиперия стояла на коленях на холодном кафеле своей комнаты, покрываясь гусиной кожей каждый раз, когда ночной ветер дул на нее. Она смыла кровь своей сестры с лица и сменила запачканное платье. Одетая в ночную рубашку из бледно-зеленой ткани, с волосами, ниспадающими до середины спины, она сложила руки на груди и закрыла глаза. Она не молилась. В этом не было необходимости: Великий Дракон знал все. Но ночью под звездным небом она чувствовала себя сосредоточенной и находила утешение в своей успокоившейся душе.

Хаос – это разрушение; стазис – это порядок. Хаос – это слабость; порядок – это сила; хаос – это переживание; порядок – это чистота. Эти мысли повторялись в ее голове, словно утешительный гимн.

Но все прекратилось, когда лицо Джулии появилось перед ней, словно всплыло из черных глубин подсознания Гиперии. Ее прекрасная, бледнолицая сестра с красной, напоминавшей жуткий второй рот, щелью на шее.

Стазис. Сила. Чистота. Порядок.

Слова растекались в ее разуме, словно слезы, бегущие по ее щекам.

– Джулия, – выдохнула Гиперия, упав на руки и рыдая в пол. Ее дыхание отражалось горячим паром в лицо. Она прижалась лбом к кафелю, пытаясь ногтями вонзиться в него, найти хоть какую-то опору. Как же ей сегодня уснуть? Как она сможет снова заснуть? Да, она была единственным правильным выбором, и да, в ней нуждались, но чего ей это стоило – Моя малышка. Мне так жаль. Мне так жаль. – Она села, покачиваясь взад-вперед и рыдая в ладони. Ей хотелось сойти с ума под луной, вырвать из головы все золотые пряди, броситься в море и позволить волнам поглотить ее...

Нет.

– Слабая. – Она напряглась и сильно ударила себя по лицу. Боль вернула ее в чувство. Ее ладонь была мокрой от слез. Недопустимо. Гиперия стиснула зубы, прежде чем снова ударить себя. И еще раз. И еще раз. Боль отступила, хаос кровоточил из ее души. Задыхаясь, она поднялась на ноги и пригладила волосы. С ней все было в порядке. Эта суматоха быстро пройдет. Она должна.

Занавески развевались на ветру, когда она повернулась к своей кровати: одеяла были золотыми и пышными, подушки набиты гусиным пухом. Империя нуждалась в ней, а она нуждалась в отдыхе для завтрашнего дня.

Но ее хрупкое спокойствие пошатнулось, когда она увидела, что сестра сидит на подушках, скрестив ноги в лодыжках.

– Джулия? – Гиперия моргнула. Но призрак не исчез – идеальный образ ее сестры с распущенными каштановыми волосами, изящно сложенными руками и перерезанным горлом. Золотое платье Джулии спереди было покрыто запекшейся кровью, но самым тревожным элементом была ее улыбка.

Это был не сон. Дрожа, Гиперия взяла со стола кинжал и вытащила его из ножен. С колотящимся сердцем она отступила назад и почувствовала, как марлевая занавеска прижалась к ее телу. Все это время Джулия наблюдала за ней с улыбкой.

Зачем она достала кинжал? Зачем ей бояться призрака?

Если только кинжал не предназначался ей самой, потому что она не знала, как долго еще сможет смотреть в глаза своей мертвой сестры, пока окончательно не сойдет с ума...

– Привет? С тобой все в порядке? – раздался низкий голос позади нее. Гиперия резко обернулась, отодвинула занавеску и приставила кинжал к горлу Люциана. Он сглотнул, позволив острому кончику кинжала почти пронзить его плоть.

– Я... – Гиперия оглянулась через плечо. Джулия исчезла. Она с холодным взглядом повернулась к Сабель. – Зачем ты подкрался?

– Я возвращался в свою комнату, когда услышал плач. – Он приподнял бровь. – Я подумал, что кому-то нужна помощь.

Она сощурилась.

– Тебе следует быть осторожнее. Время, проведенное вдали от войны, сделало тебя сентиментальным. Она прижала кинжал еще на миллиметр, чтобы показать его острие. Люциан невозмутимо поднял руки, показывая, что он безоружен.

– Я поклялся, что никогда больше не подниму меч на живую душу.

– Что за идиотская клятва.

Она слегка вздохнула и отступила назад. Он остался стоять снаружи, на темном фоне ночи. Между тем огонь лампы согревал спину девушки и подчеркивал блеск ее волос и одежды.

– Мне жаль, что ты не сможешь соревноваться должным образом, – сказала она.

Люциан улыбнулся.

– Это довольно вежливый способ лгать.

– Я не лгу. – Ее вспыльчивость пульсировала. – Ты единственный значимый соперник. – Остальные были практически ее ровесниками, но с подготовленными им испытаниями они могли бы справиться с таким же успехом, как если бы кувыркались в детской комнате. – Ты мне ровня, ну, или почти ровня.

Люциан нахмурился.

– Я не уверен, что это комплимент для нас двоих.

Гиперия холодно и трезво отметила для себя, что Люциан Сабель был красив. Что его внешность в сочетании с его способностями и даже его почтительными манерами будут привлекательны для людей. Но только не для нее. Дело было не только в нем; Гиперия просто еще не познала вожделения. Если она однажды его испытает, то это будет прекрасно. Но она не собирается заставлять себя чувствовать что-то только потому, что весь остальной мир считал, что ее возраст и, по всей видимости, красота нуждались в этом.

Она не хотела этого юношу, но она желала соревноваться с ним. Она желала чистой, честной победы.

Прежде чем она успела снова заговорить, он добавил:

– Кроме того, ты убедила меня за ужином.

– Что? – Гиперия наконец опустила кинжал.

– Я не собирался участвовать в Испытании, пока ты не заговорила. – Его лицо было непроницаемым, но он казался искренним. – Я думаю, что то, как ты смотришь на этот мир, – отвратительно. Империя вызывает к миру. Я не нарушу своих клятв, но я отдам все, что имею, взамен для того, чтобы достичь этого.

Его слова согрели Гиперию.

– Спасибо. По крайней мере моя победа будет почетной.

– Не думай так. – Он отпустил занавес, позволяя себе скрыться, так что стал не более чем говорящей тенью. – Для таких, как мы, чести не существует.

Он ушел, оставив ее. Она убрала нож в ножны и легла. Когда она погасила лампу, Джулии рядом не было.

12 Люциан

Люциан стоял на северном конце острова и смотрел на мерцающие огни в спальнях своих соперников. Море билось о скалы, когда он наконец вернулся в свою комнату. Ротонды участников были расположены вокруг центрального храма, словно пять концов звезды. Люциан остановился перед дверью своей комнаты и взглянул на самые что ни на есть настоящие звезды, выискивая созвездия Большого Дракона и Императорского Лука. Он уставился на свою любимую звезду, самую яркую в небе, главное украшение Небесной Диадемы. Затем он опустился на колени, сложил руки на груди и склонил голову. Клятва Священных Братьев крутилась в его мыслях.

Клянусь, что буду хранить данные мною клятвы до последнего вздоха. Я никогда не подниму свой меч на другого, ибо все живые существа, которые ходят по этой земле и летают по воздуху, – мои братья.

Люциан вспомнил перепуганное лицо отца, когда Тихея сжигала тот прославленный меч.

Оставлю все мирское, ибо искушение отвлекает наши мысли от добрых дел и страданий наших ближних.

Люциан вспомнил старика, прижимавшего к себе маленького мальчика, который в ужасе смотрел на всадника на драконе, кружащего в сером небе над их деревней...

Никого не буду ценить больше другого, ибо все люди равны в моем сердце.

Глаза Люциана распахнулись от взмаха крыльев. Тихея появилась из сумрака и приземлилась прямо перед ним. Ее хвост скользил по земле, опрокидывая камешки. Ее ноздри раздулись, и в этой темноте Люциан увидел слабый отблеск тлеющих углей. Подняв руку, он позволил своему дракону уткнуться носом в ладонь и хихикнул от щекочущего жара.

– Я не могу ценить кого-либо больше другого, – сказал он. – Но в клятве ничего не говорится о драконах.

Тихея наклонила голову и издала легкий щебечущий звук, который она всегда издавала, когда играла.

Вздохнув, Люциан сел на корточки и запел.

Любовь, говорят, бескрайне длится,
Как высокая небесная синь глубока.
И все же объятья не смогут сравниться
С драконом, мчащимся сквозь облака.

Это был глупый стишок, который Люциан придумал специально для Тихеи еще в детстве, он усмехнулся, когда она захлопала крыльями от радости. Дракон запрокинул голову и начал «подпевать». Она издала серию мелодичных «о-о-о» звуков, ее хвост шуршал туда-сюда, пока она пыталась не выбиться из ритма. Люциан не смог допеть второй куплет, так как у него на глазах выступили слезы от смеха.

Довольная собой, Тихея похлопала хвостом и положила подбородок на плечо Люциана. Он провел рукой по ее шее, скользя пальцами по шелковой чешуе. Его девочка издала мурлыкающий грудной звук, говоря ему, что она счастлива. Счастлива просто быть с ним.

Люциан крепко зажмурился. Он не возражал против того, чтобы лишиться своей жизни, но Тихея...

Моя душа. В этом жрецы были правы. Она была всем, что он любил в самом себе.

– Какая приятная мелодия, – пробормотала девушка позади него. Люциан повернул голову и увидел, что Эмилия наблюдает за ним с безопасного расстояния. Волосы по-прежнему падали ей на лицо, а плечи были напряжены. – Ты сам ее сочинил? Я помню, что ты. Э-э. Увлекался музыкой. – Она говорила запинаясь, как будто пыталась вспомнить строчки из пьесы.

– Да. – Он встал, отряхивая колени. – Есть новые теории относительно того, что мы все здесь делаем?

– На данный момент я колеблюсь где-то между «это все кошмарный сон» и нечленораздельными воплями.

Люциан усмехнулся, и Эмилия подошла на несколько шагов ближе.

– Хорошо, дай мне знать, когда придумаешь способ спасти нас всех. Я рассчитываю на тебя.

– А? Значит, я должна взвалить это бремя на себя? – Он видел, что она улыбается.

– Я не доверяю никому другому. У тебя всегда был свой план действий.

– Да, но... это было много лет назад. – Улыбка исчезла. Она наклонила голову, и Люциан нахмурился.

– Если ты когда-нибудь захочешь поговорить...

– О чем? – резко спросила она. – Мы в ловушке, из которой выберется только один. Разве не так? Быть приветливым и, ну, общительным только увеличит горечь и вражду, не так ли?

Что ж. Ее предположения не были ошибочными.

– Я просто не хочу, чтобы мы стали... – Он искал подходящее слово. – Хуже, – произнес он наконец. Эмилия некоторое время молчала.

– Некоторые из нас настолько плохи, насколько это вообще возможно, – пробормотала она.

О, она была права. Она была более права, чем думала. Люциан мрачно кивнул.

– Я просто хочу, чтобы ты знала, если тебе понадобится помощь, – начал он, а затем чуть не выпрыгнул из своей шкуры, когда позади него раздался громкий, постукивающий звук. Настоящий взрыв. Люциан развернулся, Тихея расправила крылья, завизжав от испуга. Он зажмурился, когда несколько камешков рассыпались по земле, но в остальном там больше ничего не было. – Странно, – пробормотал он и повернулся обратно. – Эмилия?

Но девушка исчезла. Он услышал топот ног, когда она умчалась прочь. Вероятно, этот шум напугал ее. Она была так взвинчена. Его сердце упало при мысли о том, что могло произойти за последние пять лет, что сделало ее такой.

Я сделаю что-нибудь, чтобы помочь. Я должен.

В конце концов, в этом заключался путь святого. Помогать тем, кто в этом нуждался.

Эта мысль принесла некоторое утешение, когда он оставил Тихею снаружи и вошел в свою комнату, где на кровати было постелено голубое покрывало, а поверх него лежало такого же цвета платье. Будучи сбитым с толку, он взял его в руки. Оно было идеально для Дайдо.

– К сожалению, не мой размер, – пробурчал он, скомкав его и бросив на пол. Люциан снял накидку, плеснул воды в таз и стянул с себя рубашку.

Здесь не было зеркала, чтобы он мог разглядеть свои шрамы. Хорошо. Люциан быстро умылся, вытер лицо и смочил волосы. Шрамы, такие бледные на фоне смуглой кожи, очерчивали его руки, словно линии на карте.

Некоторые поднимали брови и вздыхали, когда видели белый шрам на сгибе его левой руки. Именно этот шрам достался ему от викингского воина со сломанным палахом. Люциан сжимал руку, пока из раны лился багровый дождь на снег.

Он был рад видеть, что для разнообразия пролилась и его кровь. Возможно, он даже надеялся, что именно этот воин прикончит его.

Все шрамы на его теле были результатом физических тренировок и вражеского клинка на поле боя.

Невидимые шрамы, отпечатавшиеся в его душе, он получил от своего отца.

Каждый раз, когда он не повинился или выступал против отца, его бросали на гауптвахту, разлучали с Тихеей и оставляли замерзать долгими зимними ночами. Но этот дискомфорт был ничем по сравнению с печалью в глазах его отца, болью, вызванной бунтом Люциана. Его отец, который будто бы ничего не понимал, неважно, как бы горячо ни спорил Люциан. Это слепое несчастье пронзило Люциана до глубины души.

Солдат должен подчиняться приказам. Сын должен любить своего отца.

Люциан был разочарованием по обоим пунктам.

Вздыхнув, он повернулся, чтобы погасить свет.

Две обгоревшие фигуры сидели на корточках в ногах его кровати и смотрели на него. Глазные яблоки вывалились, в их обугленных глазницах кипела слизь, и все же он почувствовал их пристальный взгляд. Люциан готов был поклясться, что до сих пор слышит шипение их жира.

Лицо того, что поменьше, превратилось в маску из свернувшейся, хрустящей плоти.

Словно жареный цыпленок, подумал Люциан, когда желчь подступила к горлу.

Старик превратился в скелет и сгорел дотла. Его безмолвный рот открывался и закрывался, скрипя челюстями, что напоминало предсмертную агонию несчастной рыбы, выброшенной на берег.

Он видел их лица во сне почти каждую ночь. Он перестал просыпаться с криком после первого года.

Но это был не сон. Люциан рухнул на пол.

Наконец-то, подумал он.

Затем к нему вернулся рассудок, и он прижал ладони к глазам. *Нет. Нет. Нет.*

– Вы ненастоящие, – прошептал он дрожащим голосом. Истерический смех сдавил ему горло. Когда он взглянул снова, старик и мальчик исчезли. Кровать была пуста.

Призраки Люциана покинули его, но он знал, что они вернутся.

Они всегда возвращались.

13 Эмилия

Эмилия проснулась с жуткой головой болью, новая одежда валялась у подножия ее кровати, и драконья морда выглядывала из-за занавесок.

– Чара! – Она отбросила одеяло в сторону и подошла к дракону, не обращая внимания на боль, терзавшую у основания черепа. Девушка положила ладонь на нос Чары и ощутила порыв горячего дыхания. На верхней губе у дракона были короткие, щекочущие волоски. Чара удовлетворенно фыркнула, наклоняя голову, чтобы Эмилия могла погладить ее по переносице. От нее пахло солью; должно быть, утром она искупалась. Ее жемчужная чешуя была мягкой.

– Кто-то причесал тебя. – Эмилия улыбнулась.

Они хорошо будут обращаться с тобой, прежде чем убить.

Дракон низко заурчал своим длинным горлом и прижался головой к ноге Эмилии. Теплое, искрящееся ощущение связи пронзило ее насквозь... и она подумала о том, что больше никогда это не испытает. Если она умрет, то и ее душа вместе с ней. Погрузится в забвение.

Эмилия отвернулась, чтобы собраться с мыслями. Сегодня Испытание начнется всерьез, и она должна быть на высоте. Нельзя допустить, чтобы это дурацкое происшествие с Люцианом повторилось. Слава небесам, что там было темно и взрыв был незначительным. Всего лишь пара камней. Она не ожидала, что Люциан будет так обеспокоен. Она не могла и предположить, что то, как он говорил, ослабит давление, которое уже давно затвердело у нее в груди. Но все это не имело значения. Если она не научится управлять хаосом в своей душе, то ее растянут на столе с гвоздями, вбитыми в плоть.

Головная боль усилилась, пока она изучала одежду на кровати: рубашка сливового цвета, куртка из прочной ткани того же цвета и свободные коричневые брюки. Рядом с кроватью кто-то поставил золотой щит, отполированный так хорошо, что на нее смотрело ее отражение. Эмилия поморщилась. Она не могла винить Люциана за его вчерашнюю реакцию. Она выглядела истощенной продолжительной, медленной болезнью. Со вздохом она подняла щит, и за ним что-то с грохотом упало на пол. Это была золотая палка длиной с ее руку.

Эмилия подняла ее и встряхнула запястьем. С обоих концов палки торчали острые выступы. Она изучила предмет – копьё.

Копье и щит для охоты.

Первый вызов.

* * *

– Приятно видеть вас всех прилично одетыми. – Камилла холодно смотрела на них, наливая кофе из блестящего медного кофейника. Эмилия удивилась тому, что эта одежда так хорошо сидела на всех них. Вероятно, послушники хорошо поработали своей магией ночью.

Участники неловко расселись вокруг банкетного стола, бормоча слова благодарности и завтракая. Эмилия налила чашку горячего кофе с сиропом, ее пульсирующая голова практически кричала о благодарности. Она сделала глоток и обнаружила, что в напиток добавлены кардамоном и сливки. Ее тело с дрожью расслабилось. На столе были круглые буханки све-

жеиспеченного хлеба с маслом и оливковой пастой, сладкие булочки, посыпанные корицей, фрукты и рисовая каша, тушенная с изюмом и финиками. Эмилия потягивала кофе. Аякс ел так быстро, что она удивлялась, как он вообще успевает дышать. Веспир сидела на диване скрестив ноги и лениво запикивала в рот кашу. Люциан тем временем взял свою тарелку и сел рядом с Эмилией.

– Как тебе спалось? – Он протянул ей булочку с корицей; он знал, что они ее любимые. Эмилия почувствовала жар, ползущий по задней стороне ее шеи.

– Э. Ну, – пробормотала она. Сидя рядом с ним, она снова расслабилась, отпустив свои мысли. Она могла представить себе, как каждый капилляр на его лице лопаются одним багровым пузырьком, как вся его голова взрывается и кусочки мозга разлетаются по подушкам...

Она тут же встала и направилась со своим кофе к Аяксу, который удивленно поднял брови. Вздохнув, Эмилия устала в свою чашку. Люциан больше не пытался сесть рядом с ней.

Лучше ему держаться подальше.

По крайней мере ее хаос поутих. Сон и еда творят чудеса.

Все обратили внимание на Гиперию, когда она вошла в комнату, налила себе кофе и взяла миску рисовой каши.

– Периметр острова отлично подходит для утренней пробежки, – произнесла она неприужденно, сидя отдельно ото всех остальных. Никто ничего не сказал в ответ.

– Итак. Мы можем начать? – спросил Аякс.

– Ваши драконы ожидают. – Петро щелкнул пальцами, и служители в коричневых одеждах вошли, ставя кожаные сумки рядом с каждым участником. – Координаты здесь. Как только вы прибудете на остров, охота начнется.

– На кого мы охотимся? – голос Гиперии был довольным. Убийство, вероятно, вошло у нее в привычку с тех пор, как она играла в куклы в детской.

– Жители острова уже некоторое время находятся в осаде.

– Мы охотимся на жителей острова? – Аякс скривил лицо. – Печально.

Петро опустил трепещущие веки.

– Нет. Их терроризирует василиск. Вы охотитесь на *него*. Тот, кто выследит его, убьет и принесет его голову, станет победителем.

Эмилия почувствовала, как кофе словно скис в желудке. Она изучила каждого хищника в Кротском регионе и сверилась со своими записями, как только нашла копьё. Они не будут охотиться на кентавра – для этого нужны лук и стрелы, и никому не придет в голову охотиться на сирену без рыболовных крючков и сетей, так что эти варианты отпадали. Втайне она надеялась на гигантского кабана или льва, но нет. Василиск. Ей придется столкнуться лицом к лицу с *василиском*.

– Вау, – Аякс вздохнул. А затем: – Кто такой василиск?

– Ты разве не читал «Естественную историю» Плиния? – Гиперия презрительно усмехнулась.

– Я не умею читать, – пробормотала Веспир так тихо, что только Эмилия могла услышать ее. Затем, еще тише, – вероятность сорок процентов.

Поняв, что Аякс собирается сказать что-то раздражающее, Эмилия вмешалась.

– Василиск – это наземный дракон. – Мерзость. Бескрылый дракон никогда не может считаться настоящим. – Он ходит на двух лапах и имеет тело змеи с головой петуха.

– Дракон-цыпленок? Звучит весело. – Глупый парень ухмыльнулся.

Эмилия вышла из себя.

– Если иметь кислоту вместо крови, острые зубы и взгляд, который может убить весело, то я *действительно* надеюсь, что ты получишь удовольствие. – Она схватила со стола ломтик и заставила себя откусить кусочек. Аякс перестал улыбаться. Наконец.

Люциан отряхнул руки, допил кофе и поднял кожаную сумку, лежащую у его ног. Эмилия заметила, что он принес щит, но не копье.

– Пойдем, – произнес он, когда остальные участники схватили оружие и направились к передней части храма. Эмилия держалась позади вместе с Веспир, а Аякс и Гиперия бежали трусцой, чтобы первыми запрыгнуть на спину драконов. Тибру пришлось бежать быстрее, чтобы не отстать.

– Эмилия. – Люциан подошел к ней. – Держись меня, как только мы прибудем на остров.

К счастью, он не стал ожидать ответа. Люциан поспешил вперед. Она сомневалась в том, что он хотел причинить ей боль... но это могла сделать она.

– С тобой все в порядке? – спросила она Веспир, пока они шли рядом. Теперь служанка иногда смотрела ей в глаза. Прогресс.

– Конечно. Василиски – это весело, – ответила Веспир, ее голос прозвучал глухо, когда она потянулась проверить переплет своей сумки. Та открылась, внутри виднелись две буханки хлеба и инжир. Эмилия нахмурилась. Жрецы уже снабдили их едой на обед; в большем не было нужды. Веспир заметила ее взгляд. – Это будет долгий день, – сказала она. – Я, э-э, проголодаюсь.

– Разумеется. – Больше Эмилия ничего не сказала. Это не ее дело.

Через несколько мгновений она уже сидела в седле Чары, украдкой поглядывая на дорогу. Она была готова. Фыркнув, дракон взмахнул крыльями и взмыл вверх. Эмилия не оглянулась на остальных. Она сосредоточилась на синем горизонте, где море сливалось с небом. Девушка провела рукой по глазам и прищурилась, глядя на яркий день. Она практически могла услышать, как шипит ее бледная кожа.

Василиск. Король змей. Алхимики утверждали, что если смешать его кровь с измельченными человеческими останками, красной медью и уксусом, то можно получить золото.

Сегодня не будет никакой алхимии. В голове Эмилии вертелись факты из принесенных ей архивов, из книг, над которыми она трудилась. Она не умела обращаться с копьем, и меч на ее бедре останется в ножнах, если у нее это получится. Чтобы победить, ей придется использовать свои знания и, более того... свои уникальные силы.

Хаос надавил на основание ее позвоночника.

Спустя двадцать минут полета над сапфировым морем показался остров. Эмилия натянула поводья Чары, и они поднялись на ветру, чтобы взлететь выше, тем самым отрываясь от остальных четырех. Эмилия уже увидела проблему: на острове не было места для посадки. Густой лес покрывал почти каждый квадратный метр, а скалистый берег был слишком узким. Большинство драконов плохо держались на воде.

Но Чара, будучи асписом, восприняла это естественно, и Эмилия хотела отделиться от группы.

– Эмилия! – Ветер поглотил голос Люциана. Она почувствовала легкий укол вины, но заставила себя двигаться дальше.

Эмилия направляла Чару по периметру острова, пока не заметила крошечную бухту с мягкой водой. Они резко полетели вниз, прямо к океану, волосы Эмилии развевались у нее за спиной. Чара фыркнула от удовольствия, когда они плюхнулись в арку кристально чистой воды. Эмилия вытащила ноги из стремян, стараясь не промокнуть. Пока Чара погружала морду в воду, пуская пузыри, Эмилия посмотрела на берег в трех метрах от себя.

– Чара. – Она почесала макушку дракона и сжала шишку лишней плоти у основания ее шеи. Крылья Чары автоматически раскрылись по обе стороны от Эмилии, тонкая перепонка колыхалась на ветру. Затаив дыхание Эмилия пробежала вдоль правого крыла, двигаясь быстро, чтобы не надавить слишком сильно, не повредить сустав и не порвать перепонку. Она легко соскочила с кончика крыла, приземлившись в море по щиколотку. На берегу она позволила мелким волнам играть у ее ног. Ее дракон сложил крылья и начал издавать радостные

вибрации, сверкая белым и жемчужным, пока резвился в море. – Я вернусь. Оставайся здесь, – сказала Эмилия. Чара пошевелила ушами.

Эмилия направилась вверх по узкой полоске пляжа, поднялась по каменистому склону и вошла в лес. Пылающее солнце аккуратно погасло, словно свеча. Пятна желтого света покрывали глинистую землю везде, где солнце пробивалось сквозь ветви. Земля проваливалась под подошвой ее ботинок, пока она шла. Эмилия облегченно вздохнула. Тиски ее магии немного ослабевали, когда она оставалась одна. Эмилия всегда предпочитала уединение для собственных мыслей. Если бы она могла дополнить эту тишину случайными человеческими контактами, то жизнь была бы идеальной.

И как бы опасно ни было находиться рядом с другими, Эмилия хотела, чтобы кто-нибудь был с ней в данный момент. Каждый крик птицы в глубине леса, каждый треск ветки выбивали ее из колеи. Съежившись, она прислонилась спиной к старому замшелому стволу.

Думай.

Она прошла по своему плану. Остальные, несомненно, сделают ошибку, пытаясь найти василиска. У всех драконов есть склонность защищать свои логова; она сомневалась, что зверь забредет слишком далеко от дома. Он не будет жить близко к морю. Ранее Эмилия заметила густой участок густого леса на северо-западной оконечности острова. Василиск скорее всего поселился там. Все, что ей нужно было сделать, – это обойти периметр. Затем, как только Эмилия определит местонахождение логова, она произведет небольшую серию взрывов, чтобы привлечь существо к себе. Когда он будет в пределах видимости, она укроется за своим щитом, чтобы он не смог отравить ее взглядом, и использует свою силу, чтобы отрезать ему голову.

Но во всем этом было два возможных изъяна: она может просто уничтожить голову так, что от нее не останется ничего, что можно принести в качестве трофея, и даже если она достигнет цели, жрецы могут заметить, что голова была отрублена не с помощью лезвия.

Если понадобится, она достанет меч и обрежет края. Есть надежда, что ей удастся вернуть это так, чтобы никто не заметил. Хоть план и был вполне разумным, страх грыз ее изнутри. Страх неизведанного, разумеется, но также и боязнь соперников. Точнее, одного конкретного конкурента. Гиперии.

Гиперия была жестокой, холоднокровной и *чистой*.

Чистота была главным преимуществом упорядоченных искусств и тем, чему Эмилия противилась больше всего.

Щелк. Под ногами хрустнула ветка... Но Эмилия не сдвинулась с места.

Кто-то направлялся к ней из центра леса.

Черт. Она не думала, что василиск был из тех зверей, которые на цыпочках подкрадываются к людям сзади, но она не хотела рисковать. Морщась под тяжестью сумки, щита и копья, она побежала по протоптанной тропинке и обогнула остров. Пот уже блестел у нее на спине и под мышками. Головная боль туго стянула виски. Закусив губу, она оглянулась, чтобы посмотреть, не следит ли кто за ней.

– Ой! – закричала она, когда ее голень ударилась обо что-то твердое. Она споткнулась о предмет и упала на живот. Задыхаясь, она перевернулась, чтобы посмотреть, обо что споткнулась, ожидая увидеть большой корень. Вместо этого она обнаружила неотесанный алтарь, сделанный из серого камня. Мухи жужжали вокруг сморщенных слив, лесных ягод и оливковых веток с потемневшими листьями. Эмилия почувствовала запах гнилых фруктов и поднялась на ноги. Подношение? Конечно, островитяне пытались задобрить василиска.

Что-то мелькнуло на тропинке прямо перед ней. Эмилия инстинктивно вцепилась в рукоять меча. Много пользы это не принесет; если она попробует достать его, то скорее всего сразу же уронит.

– Кто там? – глупо позвала она. Магия лизнула впадину ее горла. Алтарь задрожал от близости с ее силой. Если она выпустит ее...

Кто-то шагнул в пятно яркого солнечного света. Ее глаза расширились от ужаса.

– Люциан?

– Я же велел тебе держаться рядом со мной! – сказал он, когда Эмилия выругалась.

– С чего бы это? Это не командное задание. – Эмилия осмотрела алтарь. К счастью, он перестал дрожать, но она не могла предугадать, когда это изменится. Она должна избавиться от этого дурака.

– Потому что я хочу помочь тебе. – Подойдя ближе, он взвалил на плечо свою сумку.

– Ты простишь меня, если я найду идею помощи одного соперника другому слишком альтруистичной? – огрызнулась она. Эмилия взглянула на пустые ножны меча на его поясе. – Ты планируешь бороться с василиском?

– Нет. Я же говорил тебе, что я поклялся...

– Никогда больше не причинять никому вреда, да. – Она поморщилась; головная боль начала пульсировать за левым глазом. – Я не уверена, что твоя клятва поможет мне. Похоже, это я буду присматривать за тобой.

– Я ни за что не выиграю в этом состязании, но я бы предпочел, чтобы ты стала победителем, а не кто-то вроде Гиперии.

Что ж, она не могла винить его за это. Если Гиперия выиграет Императорское Испытание, она, вероятно, сварит их всех живьем. По крайней мере Эмилия будет милосердным палачом.

– Не думаю, что ты когда-либо была хорошим охотником. Я могу дать тебе несколько советов... – Люциан нахмурился, глядя на алтарь. – Что *это*, собственно, такое?

– Хм? – Эмилия присела на корточки, чтобы лучше рассмотреть камни. По правде говоря, она хотела бы получить шанс изучить это, и поскольку в данный момент василиск не дышал им в затылок, сейчас это был ее наилучший шанс. Ей все еще надо было избавиться от Люциана, но это могло подождать. – Если я правильно помню, Кротские территории в основном находились под властью империи, но есть острова, которые все еще сохраняют местную культуру. Смотри. – Восторг ослабил головную боль, как только она провела пальцем по линии резьбы. – Вот эти два яйца, видишь? Кротский народ поклонялся морской богине, которая родила близнецов-героев, мальчика и девочку, вылупившихся из яиц. Эти два яйца, как предполагается, обозначают королевскую родословную... или что-то священное...

– Эмилия, – прошептал Люциан, но она была погружена в себя. Всякий раз, когда у нее появлялась новая игрушка, ее мысли бежали впереди нее. В такие моменты, она была ближе всего к свободе.

– Значит, этот алтарь не для василиска. – Она нахмурилась. – Символ зла в Кротских краях – это король моря, брат богини. Если бы они боялись василиска, то вырезали бы трехконечную корону, а не яйца. Это почти как...

– Эмилия!

– Что?

Она подняла голову и обнаружила наконечник стрелы в нескольких сантиметрах от своего лица. Эмилия замерла, оглядываясь по сторонам. Из леса вышли человек семь с копьями и луками в руках. Все они были золотоволосыми и зеленоглазыми, и ни один из них не улыбался.

Люциан поднял руки вверх. Эмилия почувствовала, как внутри нее просыпается хаос. Если она выпустит его сейчас, то сможет вытащить их отсюда. Но если Люциан увидит...

Она взглянула на него.

– Я начинаю ненавидеть твою клятву, – пробормотала она.

14 Аякс

Аяксу было плевать, что люди ненавидят его. И даже если бы ему было не все равно, что он должен был сделать? Он топал через лес, вытирая пот, стекавший по лицу и щипавший глаза. Щит и копье ударились о его спину, и он перекинул сумку через шею. Его рука быстро устала. Довольно много чего нужно было нести. Вдобавок ко всему было так жарко, что одежда прилипала к его телу.

И его по-прежнему мало заботило, как к нему относятся остальные.

Что ж, он был самым младшим. Самым низкорослым. Его дракон был самым глупым (но только ему было позволено так говорить). В ситуации, когда столько всего против тебя, ты должен показать, что тобой нельзя помыкать. Аякс снова вытер лицо, проведя пальцем по шероховатой коже своего лица. Он стыдился своей непривлекательности. Люциан, разумеется, скорее всего, уже родился со щетиной, а женщины всегда вокруг падали в обморок.

Люциан из тех, на кого ставят все.

И Аякс будет подбрасывать для них монету и принимать ставки. Может быть, в нем и не было чего-то особенного: чувственного, красивого, невероятного и интригующего, что работало бы на него, но он мог обойтись и без этого.

Может быть, вчера вечером был момент, когда они все сели за стол в первый раз, где он представил, хоть и на секунду, что он наконец-то был допущен до элиты. Даже если они не могли быть друзьями по очевидным причинам, они могли по крайней мере признать друга друга равными.

Они все смотрели на него, как на кусок грязи, и, возможно, это мучило его сильнее, чем он хотел. Поэтому он отплатил им так, как они ожидали.

Когда я получу то, чего хочу, они пожалеют, что вели себя как кучка депрессивных, чванливых...

– Ган.

Аякс остановился, когда над ним промелькнула тень, заслонив несколько солнечных лучей и осыпав его голову дождем из листьев и веток. Вытянув шею, он выругался.

– Пес! Нет! Возвращайся. – Он махнул своими руками вправо. – Сядь с другими. Эй! Сядь. С. Другими.

– Ган. – Ветви задрожали; дракон завил хвостом. Аякс стиснул зубы и поплелся вперед, морщась от шороха верхушек деревьев, когда Пес с обожанием пополз следом.

– Моя удача никогда не меняется, – пробормотал он.

– Разве у тебя не было личного держателя? – спросила Гиперия.

Проклятье, она появилась из ниоткуда и встала прямо перед ним на тропинке. Хрустящая белизна ее рубашки, украшенной спереди золотыми пуговицами и вышивкой по краям рукавов, служила маяком в темном лесу. Она заплела свои светло-русые волосы в коронообразную косу, чтобы они не лезли в глаза. Она выглядела хладнокровно, словно капля росы на нижней стороне листа. Неужели она даже вспотела? Аякс снял сумку с шеи и положил на плечо.

Гиперия Вольска задала *ему* вопрос, хотя и выглядела при этом скупающей.

– Нет, – ответил он, стараясь казаться равнодушным. – Слишком много бастардов. Мы обшарили все закоулки гнездовья, чтобы найти достаточно яиц, понимаешь? Мы не могли позволить себе личного держателя для всех.

– Ммм. – Она повернулась и пошла дальше по тропинке. – Что ж, удачной охоты.

– Ты скажешь это и Люциану?

Ее медленный поворот и неподдельное любопытство привели его в восторг. Поиск точек давления был первым шагом к тому, чтобы заставить кого-то делать то, что ты хочешь. Он подошел ближе. Линии ладоней Аякса вспотели, пульс участился. Он не мог флиртовать с этой девушкой, она была практически богиней, как вы могли когда-либо приблизиться к *этому*? Он просто хотел, чтобы она увидела его.

– Когда мы приземлились, вы были первыми на земле. Мы уже знаем, что все будет зависеть от вас двоих. – Он начал кружить вокруг нее. Гиперия не повернулась вместе с ним, она не собиралась показывать свой интерес подобным образом, но он знал, что она слушает. – Но ведь именно у него есть реальный практический опыт, верно? Наверное, он и раньше выслеживал солдат. – Аяксу действительно нужно было освежить в памяти особенности войн и территорий империи. – Если вы соревнуетесь вдвоем, шансы пятьдесят на пятьдесят, что ты выйдешь на первое место. Возможно. Я бы и сам принял это пари. – Он остановился перед ней, засунув руки в карманы. Теперь Аякс даже не чувствовал тяжести щита и копья. – А как тебе увеличить свои шансы?

Она не шевельнулась. Ветер трепал прядь ее волос.

– Как?

Попалась.

– Присоединяйся ко мне. Мы, конечно, не будем гоняться за его жизнью, но есть способы подставить человека. – Он позволил себе ухмыльнуться. Аякс называл это своим деловым лицом. – У двух других нет ни единого шанса, и когда ты займешь трон, ты освободишь меня от Отбора и сделаешь меня наместником чего-то там. Правой рукой. – Конечно, на самом деле он не собирался становиться наместником, собирался стать императором. Но если он будет рядом, то она не заметит, как он приставит к ней нож. – Что ты на это скажешь?

Выражение ее лица прояснилось.

– Заговор, – мягко произнесла она.

Он подмигнул.

Она ударила его тыльной стороной ладони, и он рухнул на землю. Его зрение затуманилось. Черт побери, ее костяшки должны были кровоточить после этого маленького представления. У Аякса был твердый, как камень, череп.

– Так значит... нет? – Он сплюнул немного крови, смешанной со слюной.

– У тебя нет чести. – Она сказала это так, словно имела в виду – *ты не должен существовать*. Ее длинная, красивая шея напряглась, когда он встал. Аякс снова сплюнул, и так получилось, что слюна приземлилась прямо у ее ног. Он поднял свою сумку. Над ними Пес начал «гапать».

Спокойно, мальчик.

– Нет. У меня ее нет. – Он улыбнулся, несмотря на то, что его губы пульсировали и разбухли. – Полагаю, это проблема?

Она покачала головой.

– Дракон выбирает того, кто достоин править. Если Люциан одолеет меня, то я с радостью приму Отбор. Ты попытаешься избежать этого?

– Ну, да. Я не хочу умирать, чудачка.

Глаза Гиперии сузились.

– В этом есть смысл. Дракон и душа всадника сливаются воедино, как только трескается яйцо. – Она посмотрела вверх, где Пес продолжал шуршать и суетиться. – У такого недостойного человека, как ты, может быть только дурак вместо дракона.

– Осторожно. – Аякс замер. Она теребила его струну «бешенства», и если бы она дернула ее...

Гиперия усмехнулась.

– Вы заслуживаете друг друга. Оба второсортные и уродливые от мозга до костей.

Аякс прикусил кончик языка. Девушка перед ним превратилась из богини в демона, не изменив ни единого волоска на голове.

– Ты не хочешь занять меня в качестве врага? Я могу сделать жизнь неприятной, – сказал он, и вся шутливость исчезла из его голоса.

Она одарила его коротким и непринужденным смешком. Он шагнул к ней, и она снова рефлекторно замахнулась на него. На этот раз он встал на колени и перекатился. Гиперия испуганно вскрикнула, когда он подскочил к ней сзади и щелкнул ее по затылку.

Когда она закричала и развернулась с ударом, он нырнул и снова перекатился, на этот раз оказавшись на приличном расстоянии. Проклятье, эта девчонка умела замахиваться *высоко*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.